

Петр Рингсон

СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОСТИ

12+

Петр Рингсон

Сказка о справедливости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339476

SelfPub; 2020

Аннотация

Гном Тибальд отправляется на поиски таинственного и прекрасного Фэйри-Града. Пройдя через весь сказочный мир и преодолев страшные испытания, он достигает своей цели. Там Тибальд узнает Истину, к которой так стремился: то, что мы видим – лишь иллюзия, гномы – не гномы, и феи – не феи, и деревья – не деревья и даже камни – не камни.

Но кто же сам Тибальд? Лучше бы ему об этом не знать, ведь как сказала повелительница этого мира Фата-Моргана: "Тот, кто не знает чего хочет, становится всем ..."

Содержание

Часть первая. Сказочное царство	4
Глава первая, повествующая о Тибальде, гномах и подземельях	4
Глава вторая, в которой читатель знакомится ближе с Дорфией и ее обитателями	18
Глава третья. О чудный мир!	33
Глава четвертая, повествующая о Форстии	48
Глава пятая. Путешествие в Фэйри-Град	61
Глава шестая. В гостях у сетов	74
Глава седьмая, в которой Тибальд встречается с Повелительницей Иллюзий	90
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Часть первая. Сказочное царство

Глава первая, повествующая о Тибальде, гномах и подземельях

Однажды жил да был глубоко под землей гном. И звали его Тибальдом. День и ночь он добывал золото и драгоценные камни. Так повелось в их славном гномьем царстве Дорфрии. Его отец добывал золото, отец его отца добывал золото, и отец отца его отца добывал золото.

Нелегко был труд гнома. Вставал он ни свет ни заря – какие же свет и заря могут быть глубоко под землей, – одевался, умывался из ручья, что протекал поблизости, и брел в Рабочие Пещеры. Глубоко жил гном, а Рабочие Пещеры находились гораздо глубже. Там всегда было темно и сыро. Вечная тьма и вечный сумрак были уделом маленьких бедных созданий, трудившихся в лабиринтах подземелий. Даже дождевые черви и кроты не забирались так глубоко!

Спустившись в Рабочие Пещеры, Тибальд подвешивал к потолку Магический Бриллиант. Бриллиант тускло мерцал, освещая стены подземелий, а Тибальд уныло долбил породу; удар за ударом, тук, тук, тук... Магический Бриллиант служил гному и часами и освещением – единственным сред-

ством, разгонявшим невыносимую тьму.

Много сокровищ скопили его предки, такие же гномы, как и он. Алмазы, изумруды, сапфиры, аметисты... Целые россыпи драгоценных камней! Но все они хранились в сундуках Пещер Сокровищ. Крепко заперты были эти сундуки. Магические заклинания защищали труд бедных гномов от рук и глаз любителей поживы. Неисчислимые проклятия были бы уделом смельчака, вскрывшего магические замки. Жизнь существа, осмелившегося открыть сундуки, превратилась бы в ад. Но кто посмел бы проникнуть в это царство вечной тьмы и страха!

Все тусклее и тусклее становился свет Бриллианта. Когда его полностью поглощала тьма, Тибальд погружал все, добытое за день, в мешок и в темноте двигался, сгибаясь от тяжести, в Пещеры Сокровищ, еще глубже под землю. Там он сбрасывал свой мешок и произносил магическое заклинание для открывания потайных замков: «Ахолифт»; замки, скрежеща, открывались, гном перекладывал туда свои сокровища и на ощупь в полной темноте брел назад. Магические замки закрывались сами.

Ходили слухи о гноме, который забыл магическое заклинание для открывания Пещеры Сокровищ. Он попытался открыть замок вручную при помощи инструментов для добычи руды. Провозившись несколько часов, он наконец вскрыл замок. Вернувшись в Спальные Пещеры, он рассказал о случившемся своим товарищам. На следующий день гном про-

пал. Его никто не видел еще несколько лет. Однажды гномы, возвращающиеся с работы, нашли останки его тела, разбросанные по Пещерам Сокровищ – они были так искромсаны и истерзаны, как будто какое-то страшное чудовище долго грызло и терзало несчастного. С тех пор гномов учили этому заклинанию с самого рождения, а взрослые повторяли его каждую свободную минуту.

Погрузив содержимое мешка в сундук, Тибальд шел назад. Он проходил через Пещеры Смерти, Рабочие Пещеры, Пещеры Сумрака и наконец доходил до Спальных Пещер. Там он вставлял Бриллиант в магическую подставку, падал в изнеможении на свою каменную кровать и засыпал. Просыпался он от тусклого света Бриллианта и снова брел на работу. Так заканчивался Бриллиантовый День и наступал новый. В гномьем царстве днем называют время, когда Магические Бриллианты тускло светятся.

Раз в сто двадцать три дня свет Бриллианта менялся на более яркий, фиолетовый. Наступал Фиолетовый День Похвальбы. В этот день Тибальд поднимался в Пещеру Похвальбы и встречал там своих товарищей. Гномы собирались в углу пещеры, где стояли Магические Весы. Старейшина гномов Мадор громко выкрикивал имена товарищей, и чаша весов поднималась или опускалась в зависимости от того, сколько сокровищ было добыто. Гномы, которые добыли меньше линда – так называлась минимальная гномья норма, – исчезали. Ходили слухи, что они навечно вмурованы

в камень в Сумеречных Пещерах. После исчезновения нерадивого Гнома светильники в Пещере вспыхивали ярче, и Весы провозглашали: «Гному – гномья смерть!» По рядам подземных жителей проходила дрожь...

Наконец похвальба заканчивалась. Гномы садились за столы. Они проводили этот праздник, сравнивая добытые сокровища, сплетничая, поедая стронну и брос – изысканные лакомства всех подземных жителей – и вспоминая исчезнувших товарищей. А Магические Весы громко хвалили добытчиков. Но когда светильники тускнели, гномы опять возвращались в Спальные Пещеры...

Как-то, в один из Бриллиантовых Дней, Тибальд, как всегда, копал руду. День выдался очень плохой. Кирка отлетала от твердой породы стен, не оставляя следов. Прошло уже полдня, а стена выглядела так, будто ее и не касались инструменты. Мешок под ногами гнома оставался пуст. Провозившись еще несколько часов, Тибальд решил покопать в другом месте.

Собрав свои инструменты, он переместился в дальний конец пещеры. Положение не улучшилось, кучка драгоценностей на земле не росла. Гном, наложив на кирку и молоток двойное магическое заклинание твердости, продолжал работу, но кирка все так же отскакивала от стены. Время шло, и страх медленно одолевал Тибальда. Он бормотал про себя:

– Если так продолжится еще несколько дней, меня ждут

Сумеречные Пещеры.

Наконец Бриллиантовый День подошел к концу. Закинув свой почти пустой мешок за плечи, Тибальд налегке поплелся наверх. Вечный сумрак подземелий на этот раз показался ему еще мрачнее и страшнее. Густая тьма навевала невеселые мысли. Проходя мимо Спальных Пещер, Тибальд съежился: ему мерещились десятки гномов, с осуждением уставившихся на его добычу.

Ночью он не уснул: слишком реальной была угроза смерти. Не прошло и часа, как гном встал и поплелся вниз в Пещеры Сокровищ. Новая Пещера, в которую Тибальд был послан на этот раз, не порадовала его. Несмотря на упорный труд вдвое больше обычного, гном опять не добыл ни крошки. Наконец подавленный и испуганный, Тибальд двинулся обратно.

– Что с тобой? Почему ты так согнулся? Осторожно, не упади, – услышал он окрик, вздрогнув от неожиданности.

Это был его приятель Вака.

– А чему радоваться, – прошептал Тибальд, – Взгляни на мой мешок.

Вака, высокий гном с непозволительно короткой бородой и до неприличия коротким колпаком, посмотрел на него.

– Через два дня День Похвальбы, а у тебя ничего нет...

– Да, быть может, мне осталось жить всего несколько дней.

– Всему причиной – твое настроение. Чего ты такой груст-

ный? – весело поинтересовался Вака.

– Да уж, будешь тут грустным!

– Вообще-то, у меня есть связи, ведь я знаю самого Мадора!

– Ты? – не поверил Тибальд. – Мадора?

– Я! Мадора! – еще больше развеселился Вака.

– Так ты мне сможешь помочь?

– Я тебе помогу, – твердо и уверенно сказал Вака. – Вот увидишь, завтра ты соберешь столько сокровищ, сколько никогда не собирал. Веришь?

– Я тебе верю! – приободрился Тибальд, и глаза его заискрились надеждой.

– Тогда иди в свою пещеру и спи, ни о чем не тревожась, а завтра тебя ждет успех!

И окрыленный Тибальд, бодро зашагал наверх.

Вака не соврал; на следующий день, когда гномы шли на работу, Тибальда направили в самую богатую пещеру Дорфии, Золотую Пещеру.

Эта пещера буквально искрилась от драгоценных камней. День работы принес гному такую гору сокровищ, которую он не добывал и за год. В полной темноте счастливый Тибальд возвращался в свою спальню и раздумывал.

– Ведь даже в таком темном царстве, среди сумрака и сырости, существуют настоящие друзья, готовые прийти на выручку в самые сложные моменты жизни.

Он уснул счастливым. Проснулся Тибальд от фиолетово-

го свечения Бриллианта. Начинаясь День Похвальбы. Гному позволялось пробывать в постели в этот день несколько лишних минут. Он лежал, представляя себе, как сам Мадор громко вызовет Тибальда, как Весы оценят добычу и как изумятся его собратья. Да, для этого стоило жить! Затем он медленно поднялся, оделся и, натянув свой колпак, направился к выходу из Спальных Пещер.

Тибальд шагал вместе с толпой других гномов. Нескончаемый фиолетовый поток продвигался в сторону Пещеры Похвальбы. Казалось, сам воздух был фиолетовым от сотен фиолетовых светлячков, носившихся в воздухе. Топот башмаков сливался в сплошной гул. Это был праздник, долгожданный праздник после непрерывной череды похожих друг на друга дней унылого труда и страданий. В наиболее широких проходах танцевали гномы, танцевали так лихо, что даже самые неисправимые ворчуны не могли не пуститься в пляс. Подземные жители были нарядно одеты. Головы их украшали специальные красочные фиолетовые колпаки.

Вокруг Пещер Угощений толпились десятки гурманов, набивавших свои животы лакомствами, которые в обычные дни были строго-настрого запрещены. На столах-конусах, вершины которых покоились на полу Пещеры, красовались самые изысканные и вкусные блюда: и гревания, и дорфония, и карлений, от одного взгляда на который у Тибальда потекли слюнки. Наш гном смело подошел к толпам гурманов и,

отломив здоровенный кусок карления, с аппетитом его съел. Множество удивленных, завистливых и злорадных взглядов устремились в его сторону, ведь Тибальд был довольно беден и никогда не позволял себе приближаться к Пещерам Угощений в Дни Взвешиваний, когда цены подскакивали до небывалых размеров.

– Тибальд – четверть линда, – пропел откуда-то сверху мелодичный голос.

Гном гордо отошел от Пещер Угощений и твердой походкой зашагал в сторону Фиолетовой Пещеры. Он хотел поделиться своими успехами с товарищами, но никого не встретил. Вака куда-то задевался, Гнамус, наверное, уже ушел вперед.

– Интересно, – рассуждал Тибальд, – вот бы знать кто мои родители, братья и сестры. Вот эта гномиха около стены, быть может, она и есть моя мать, а тот маленький гномик, выглядывающий из толпы, быть может, это мой брат.

Тут он прикусил язык: гномам запрещалось знать что-либо о своих родителях, и даже попытки рассуждать об этом жестоко карались.

Проходя мимо Пещеры Родов, он бросил быстрый взгляд в сторону прочно закрытых дверей: оттуда не доносилось не звука. Мысли опять засуетились в его голове, гном пытался понять, почему все что касается рождения и родственников, покрыто тайной, но в конце концов решил, что это, быть может, и справедливо, ведь семейный гном меньше думает

о главной задаче своей жизни – добывании сокровищ, что плохо влияет на его работу.

Коридоры Дорфии напоминали клубок змей, вылезших погреться на солнышке: они подчас круто спускались, временами резко поднимались вверх, переплетаясь и разветвляясь. Новичку было бы довольно просто заблудиться, но для гномов это был дом, они ориентировались в коридорах Дорфии лучше, чем в своих семи пальцах, к тому же заблудившийся гном рисковал опоздать на работу, – преступление, жестоко карающееся в Дорфии.

Обычно в Фиолетовый День гномы, двигаясь к Пещере Взвешивания, выбирали самые широкие проходы, но все равно каждый раз несколько несчастных погибали, задавленные толпой. Главное было не мешкать, Тибальд это знал, поэтому зорко смотрел по сторонам.

Наконец все гномы прибыли в предпохвалебное подземелье. Эта пещера не вмещала всех новоприбывших, поэтому многие подземные жители ожидали в близлежащих проходах. Стены залы были окрашены в фиолетово-серый цвет. Именно такой цвет должен был настраивать новоприбывших на праздничный лад, при этом не позволяя им забыть о своих основных обязанностях.

Предпохвалебная Пещера более всего напоминала рабочий фартук Тибальда, широкая у многочисленных входов и сильно сужающаяся при переходе в Фиолетовый Зал. Через маленькую перемычку между этими двумя помещениями за

раз могли пройти лишь три гнома, причем их взгляд должен был быть немедленно устремлен в дальний угол, где должны были появиться Великие Весы. Сама перемычка же состояла из нескольких арок. Каждая арка все больше отрезала входящих от внешнего мира, заставляя их ощутить всю важность предстоящего взвешивания. Перед входом в сам Зал Взвешивания гномов окутывала полная темнота, а затем вспыхивал ярко-фиолетовый свет. Под невидимым, но очень хорошо ощутимым взглядом, входящий занимал свое заранее отведенное место.

Наконец невидимый голос объявил: «Фиолетовый день!», и огромные и величественные двери, открывающие вход в перемычку со скрипом, отворились.

Гномы входили в Фиолетовую Пещеру в полной тишине. Матово-фиолетовые стены пещеры, походящей на вытнутый ломтик миндаля, ярко освещали подземных жителей: как собравшихся в центре, так и входящих. Прошло три часа, и наконец последний гном Мадор в одиночестве миновал перешеек и остался в красном углу. Воздев руки, Мадор зашептал что-то одними губами и, словно в ответ на его невидимый призыв в противоположном черном углу пещеры что-то заискрилось, засверкало, и возникли белые Весы – мертвенно белые в этом фиолетовом зале. Тишину разорвал звук, чем-то напоминающий жужжание пчелы, он становился ярче, громче, явственнее, сильнее. Звук стал нестерпимым, разрывал уши. Он обрушился на них грохотом, беру-

щимся ниоткуда. «Справедливость!» несло со всех сторон.

Все благоговейно стояли и ждали. Наконец Мадор произнес:

– Справедливость – это наше главное богатство!

– Справедливость, – послушно повторили гномы.

– Заслужившие жить, работать и радоваться – будут жить, заслужившие исчезновения – исчезнут.

– Исчезнут, – тихо пронеслось по рядам гномов.

– Итак, мы начинаем...

Гномы в центре пещеры съежились и приготовились.

– Гнамус! – громко выкрикнул он в полной тишине. Из рядов гномов выступил бледный старичок, гном в зеленом колпаке, и направился к черному углу. Весы дрогнули и поползли.

– Пять линдов, – сказал Мадор. – Молодец! Ты заслужил жизнь.

Под ободряющими, а подчас и завистливыми взглядами товарищей, Гнамус, казалось, сам не ожидавший такого счастья, засеменил к своему месту.

– Мангинх! – другой бледный гном, нервно комкая в руках рабочий передник, вышел вперед. – Три с половиной линда, – выдержав зловещую паузу, выкрикнул Мадор. – Хороший результат!

Похвальба продолжалась. Гномы стояли, дрожа, ведь никто из них точно не знал, сколько золота он накопал, можно лишь было догадываться довольно приблизительно, а поэто-

му все чувствовали себя приговоренными.

– Лихот! – Весы поползли вниз. Наконец прогремело: «Девять десятых линда!» Несчастный Лихот, – а это был совсем молодой гном, только недавно вышедший из Пещер Обучения, – бросился на колени, моля о пощаде. Он плакал, рыдал, умолял неумолимые Весы отменить или хотя бы отложить решение, подметая бородой черный угол:

– Ведь не хватает-то всего какой-то одной десятой линда до минимальной нормы.

Продолжая умолять и причитать, он туманной дымкой растворился в воздухе, и его вопли постепенно затихли, только пещерное эхо продолжало стонать и жаловаться. Воздух со свистом занял место исчезнувшего, а Весы провозгласили: «Гному – гномья смерть!»

– «Гному – гномья смерть прямо в лапах Монстора!» – провозгласил Мадор.

– Гному – гномья смерть, – послушно повторили сотни голосов.

Похвальба продолжалась....

Мадор вызывал гномов. В звенящей тишине он произносил имена, одно за другим. Заслуги и позор провозглашались громко и четко.

– Как глупо это все, – подумал Тибальд, – ведь и я мог быть на месте Лихота. Как несчастны гномы! Каждый день похож на предыдущий и последующий! Дни сменяют друг друга, не оставляя место ничему иного, кроме унылой, бес-

смысленной молотью киркой о стену. А когда ты устаешь от этой монотонности и не можешь собрать и линда, ты исчезаешь навеки! Как бессмысленна и беспросветна наша жизнь!

– Вака! – пронеслось по залу. Вака отделился от рядов гномов и робко (что очень удивило Тибальда) направился к Весам. Стрелка Весов поползла... вниз: три линда, два линда, полтора линда. Стрелка двигалась медленно-медленно. Тибальд взглянул на Ваку. Пока стрелка ползла вниз, лицо Ваки бледнело. Он твердо стоял на ногах и улыбался, пытаюсь показать, что не боится весов и их решения, но все бледнел. Тибальд осознал, как тяжело давалось ему эта уверенность в себе. Наконец стрелка остановилась.

– Один линд ровно, – выкрикнул Мадор. Вака был похож на мертвеца и почему-то стиснул кулаки. Предводитель гномов не сказал больше ни слова и перешел к следующему имени.

– Тибальд – пятнадцать линдов! – он в восхищении посмотрел на Тибальда. – Сегодня в День Похвальбы мы чувствуем величайших гномов. Мы чувствуем величайших героев нашего царства! Да здравствует Тибальд Великий, Тибальд Богатый, Тибальд Герой! Ура!

Троекратное «Ура» разнеслось по залу! Взвешивание закончилось! Начинаясь пир!

Из стен и потолка пещеры выскочили тысячи крохотных мохнатых зверушек, в воздухе замелькали магические шары, мыльные пузыри летали тут и там, то и дело лопааясь и обда-

вая всех душистым соком. Отовсюду слышался грохот салюта, стены вечно сумрачной пещеры осветились всеми цветами радуги и превратились в один сказочный фейерверк! Вокруг все сверкало, горело и хлопало. Внезапно в пещере появились двенадцать столов, ломившихся от яств. Столы были расставлены так, что образовывали пятнадцать – количество линдов, добытых Тибальдом. Вино лилось рекой по полу пещеры, гномы зачерпывали его ковшами и пили, пили, пили... Зверушки, выскочившие из стен, забавляли собравшихся веселыми ужимками, бегали повсюду, сновали вдоль и поперек, шурша своими меховыми одежонками, и разносили гномьи деликатесы: стронну и бропс. А в черном углу вспыхивало изображение самого Тибальда! По пещере несло:

– Ура Тибальду! Да здравствует величайший герой всего подземного царства!

Тибальд почувствовал, как его щеки пылают, – он был счастлив! Его сердце переполнилось гордостью. Он закружился в диком танце, забыв обо всем, кроме искрящихся, разноцветных огоньков на стенах, веселых окружающих его лиц и застольных криков. Он радовался, плясал от счастья и пил вино, черпая его ковшами из реки, текущей под ногами.

Глава вторая, в которой читатель знакомится ближе с Дорфией и ее обитателями

Проснулся Тибальд от тусклого света Бриллианта, машинально вышел из своей Спальной Пещеры, умылся из ручья в Речной Пещере, надел свой старенький трудовой передник и стал спускаться в Рабочие Залы. В коридоре он встретился с Вакой. Друзья бегло поздоровались и побежали на работу, ведь растрачивание драгоценного времени в бессмысленных разговорах каралось смертью. Но встреча с товарищем заставила Тибальда задуматься.

– Ведь Вака мог бы сгинуть! А я набрал целых пятнадцать линдов. Так значит, Вака пожертвовал жизнью ради меня! А я-то, как индюк, любовался самим собой! Да уж, – проворчал про себя Тибальд. – Ну, хорошо, но ведь он мог найти для меня место не в столь богатой пещере, а работать там сам! Ведь мог же? Может, это просто самоотверженность, желание пожертвовать своей жизнью ради друга! Нет, Вака – не такой. Он – лучший гном из тех, кого я встречал, и на него можно смело положиться, но он не безрассуден, и всегда тщательно продумывает все, что собирается сделать! Загадка, да и только!

Стараясь вспомнить, что же с ним произошло после взве-

шивания, он обнаружил, что в голове крутятся лишь бессмысленные обрывки разговоров с другими гномами и зверушками. Почему-то все время всплывало слово: «Фэйри-Град». Но что это? И кто его упоминал? Ответа не было. Все лица слились в одно уродливое лицо, провозглашающее раз за разом: «Гномам – гномья смерть!» – и это все. От бесплодных мыслей голова разболелась, и Тибальд постарался забыть обо всем, напевая песенку про крысиного короля.

Он без приключений достиг Рабочих Пещер, разложил инструменты и начал долбить породу. Странно, но на этот раз его мешок наполнялся очень быстро самыми отборными самоцветами, хоть пещера и не была золотой. Более того, Тибальд обратил внимание на то, что гномы, стоящие неподалеку не так удачливы, как он сам. Он попытался помочь своему соседу Дору, заняв его место, и тут же заметил зеленое пятнышко на стене, которое оказалось огромным изумрудом.

– Чудеса, да и только! – поражался Тибальд. – Наверное, Вака наколдовал мне удачу, при этом сам ее лишившись.

Прошел Бриллиантовый День. Сгибаясь от тяжести, гном направился вниз в Пещеры Сокровищ.

– Лжец, – услышал он громкий окрик позади себя и увидел своего соседа, яростно размахивающего руками. Видать, Дор не на шутку разгневался.

– Ты специально вызвался «помочь» мне, а сам под этим предлогом утянул у меня огромный изумруд. Вот так ты и

добыл свои 15 линдов, гном – герой!

Тибальд растерянно взглянул в свой мешок. Из-под толстого слоя бриллиантовой пыли выглядывал гигантский изумруд. Гном поспешно схватил изумруд и протянул его Дору.

– Я, наверное, случайно, – робко проговорил он.

Но Дор резким движением ударил по руке Тибальда. Изумруд упал на пол и закатился в угол.

– Будь ты проклят, горе-герой, вор, убийца! – закричал Дор и, всхлипывая, бросился к выходу из Рабочей Пещеры.

Тибальд пытался было его догнать, но Дор убежал куда-то далеко, и гному не удалось его разыскать в темноте.

Вздыхнув, он направился в Спальные Пещеры. Проходя мимо Пещер Смерти, где хоронили гномов, умерших своей смертью, а не по приговору Весов, он опять повстречал Ваку. Они шли рядом, смертельно уставшие, в полной темноте.

– Вака, – наконец произнес Тибальд, – ответь мне. Почему ты хотел пожертвовать своей жизнью ради меня?

– Я никогда не жертвую жизнью, а лишь пытаюсь помочь... – усмехнувшись, ответил Вака.

И все же, Тибальд не был удовлетворен таким ответом, но решил не мучить друга своими вопросами.

– Вчерашний праздник был одним из лучших! Было так весело! – попытался он продолжить разговор.

– А ты подумай о том, кто его устроил... а впрочем, не важно.

Ответ Ваки показался Тибальду еще более загадочным и

странным...

– Скажи-ка, не слыхал ли ты о Фэйри-Граде?

– О Фэйри-Граде? – повторил Вака. – Это всего лишь красивая легенда. Но я попробую тебе рассказать о том немногом, что сам знаю...

Рассказывают, что наше гномье царство – это еще не весь мир. На самом деле, настоящий мир гораздо больше Дорфии. И солнце – не есть всежигающая слепая сила, как учат нас старейшины, а светило, освещающее тот, другой, лучший, настоящий, чудесный мир. Он полон света, радости и счастья. И живут там прекрасные, светлые существа.

– Это и есть Фэйри-Град? – не поверил Тибальд.

– Дай сказать! Так вот, этот мир прекрасен! О Фэйри-Граде я знаю совсем немного. Я только слышал, что Фэйри-Град – это город, который возник из слезинки, он парит в воздухе в том реальном мире, а живут там феи, эльфы, ангелы и другие солнечные существа. Так их и называют: «Солнечные Существа». Это самые прекрасные создания во всей Вселенной! Но я отвлекся, – Вака посерьезнел. – Это всего лишь глупые рассказы – не верь им! Поговорим лучше завтра, когда будем возвращаться с работы!

Они сердечно распрощались и разошлись по пещерам.

Вернувшись в свою пещеру, Тибальд задумался.

– Странно это все. Где-то существует мир, большой мир, полный чудес и открытий, полный радости и счастья, а здесь

под землей, некоторые проживают всю жизнь, не ведая о его существовании. Да и, что греха таить, я сам о нем узнал только вчера!

Гном закрыл глаза и размечтался. Он представил себе огромное желтое Солнце, каплю, плавающую в воздухе и пылающую в ярких лучах, и мириады фей и ангелов, порхающих в небесах. Откуда-то из глубин памяти пришло воспоминание о том, как он, еще маленький гномик, мечтает о чем-то, от чего замирает сердце, о чем-то прекрасном и светлом.

– Оно похоже на каплю, – вслух проговорил Тибальд и тут же зажал себе рот. Он оглянулся, но все было спокойно.

– Я сам себе не сознаюсь, но очень часто мысли уносят меня куда-то вдаль, прочь от темных пещер, – сказал сам себе Тибальд. – Да, с самого детства, но что толку... Ведь жизнь моя здесь! Ладно, помечтал, и хватит, – одернул себя он. – Ведь впервые я могу осуществить то, о чем грезил всю жизнь. Может, и во Внешнем Мире я окажусь когда-нибудь.

Тибальд устал, но был доволен. Уже за один сегодняшний день он наверняка раздобыл больше линда, поэтому можно было не страшиться Фиолетового Дня, и впервые за 300 лет насладиться прелестями гномьей жизни. Для гномов-богачей существовало множество возможностей отдохнуть: Залы Игр, Пещеры Разгуля и Веселья, поедалки, прожиралки, развалялки, прибивалки. Но Тибальда интересовало совсем не это. В глубинах Дорфии под Пещерами Сокровищ

располагались Залы Знания. Там можно было узнать многое о Гномьем Царстве, а если повезет, то о своих родителях. Вход в эти залы стоил целых пять линдов, но гнома это не тревожило – настолько велико было его желание получить ответы на многочисленные вопросы, роящиеся в голове. Тибальд сел на свою кроватку и, досчитав про себя до десяти, встал. Тут же мелодичный голос над головой пропел:

– Норма пребывания в Спальной Пещере не выполнена. Ты заплатил одну восьмую часть линда за попытку встать в Спальное Время. За выход ты заплатишь еще четверть линда.

– Восьмая и четверть часть – три восьмые? – размышлял гном. Он сам не заметил, как вышел из Пещеры, но голос ниоткуда вывел Тибальда из оцепенения.

– Тибальд – четвертая часть линда!

Итак, перед ним была развилка: место, из которого выходило множество одинаковых коридоров, ведущих в Спальные Пещеры, Рабочие Пещеры, Пещеры Угощений и Пещеры Развлечений.

Тибальд поднял свой уже совсем угасший Бриллиант и оглянулся вокруг. Полная темнота окружала его. Он прошел несколько шагов, держась за стенку, и наконец заметил под ногами огонек, слабо светящийся мягким зеленым светом. Тибальду ничего не оставалось, как опуститься на колени, стараясь разглядеть странный светильник.

Внезапно Бриллиант Тибальда резко вспыхнул, выхватыва-

вая из темноты стены и своды вечно темной пещеры, а в воздухе неожиданно зазвучал голос, заставивший гнома вздрогнуть:

– Тибальд – четвертая часть линда.

Гном, который никогда не зарабатывал больше трех линдов, всегда тратил все добытое лишь на еду, поэтому он видел светящийся ночью Бриллиант лишь однажды. Одной бессонной ночью он заметил отсвет Бриллианта на стене своей каморки – видно какой-то богач направлялся на поиски развлечений вглубь Дорфии. С тех пор Тибальд все свое свободное время, а его у гнома было совсем немного, посвящал мечтам о прогулке ночью. До последнего Дня Взвешивания он был уверен, что этим мечтам никогда не суждено сбыться. Но сейчас все изменилось.

Под сапожками гнома хлюпала вода. Со стен огромного зала свисали причудливые сталактиты, а извивающиеся сталагмиты, как страшные чудовища, вынырнувшие из подводной реки, тянули к ним свои лапы, словно пытаясь схватить и растерзать свою добычу. Гному стало не по себе, настолько эти изваяния походили на живых исчадий ужаса Дорфии – Монстора. Ему даже показалось, что один из сталагмитов шевельнулся и вытянулся вверх, а сталактит над ним испуганно заколыхался.

Тибальду никогда не удавалось разглядеть эту столь знакомую и в то же время столь загадочную пещеру, ведь утром он всегда торопился на работу, и промедление могло закон-

читься страшным приговором Весов, а вечером было так темно, что он мог продвигаться лишь вдоль стен на ощупь. И на этот раз, не пожелавший разглядывать развилку гном юркнул в ближайший широкий проход, ведущий вниз.

Тибальд знал об этом проходе только то, что он не был ни Спальной Пещерой – входы в них были достаточно узки, – ни коридором, ведущим в Рабочие Пещеры и Пещеру Взвешивания: дорогу в эти Залы Тибальд выучил наизусть.

Коридор вел вниз, что было хорошим предзнаменованием, ведь Залы Знаний лежали глубоко-глубоко, глубже даже Пещер Сокровищ. Внезапно земля под Тибальдом поехала, а значит путь предстоял не близкий. Так гномы попадали в Пещеру Взвешивания: там в Фиолетовые Дни должна была собраться вся Дорфия, поэтому перемещаться необходимо было очень быстро. Тибальд, как и любой другой дорфиец, довольно смутно представлял себе, как это происходит, знал лишь одно: в особых Фиолетовых Коридорах земля движется очень быстро, перенося гномов с места на место. Но сейчас он был единственным гномом в широком проходе, кроме того, его светильник ярко освещал своды коридора. Тибальд внимательно огляделся по сторонам. Под его ногами и по сводам пещеры ползали те же самые зверушки, что разносили стронну и брорпс пирующим только вчера. Похоже, эти разноцветные пушистики всегда жили рядом с гномами и помогали им. Сейчас эти четвероногие малыши двигали какую-то подставку, на которой стоял Тибальд, перемещая

его вперед. Он с трудом вспомнил их название: «Калты».

Проносясь мимо стен, Тибальд вертел головой во все стороны: когда ему еще представится шанс узнать свою родную Дорфию, ведь за пятьдесят лет, что гном прожил на белом, вернее темном свете, он так ничегошеньки и не узнал о своем родном доме. Своды коридора были изумительно красивы. Наросты на его стенах переплетались, образуя сложнейшие фигурки: изваяния гномов, пиршественные залы, снедь, сокровища и еще много-много другого, чему Тибальд не знал названия, ведь за всю свою жизнь он увидел и узнал не так уж много.

Самым удивительным было то, что все эти скульптуры были непередаваемо реальными. Гномы вращали глазами, звери двигались, лохль – дорфийский десерт, казалось... Тибальд не выдержал, оторвал от стены кусок и отправил его в рот. Ох... Вам когда-нибудь приходилось есть мел? Нет? А вот гному пришлось.

– Но почему? – старался понять Тибальд. – Ведь он выглядит как настоящий! – Наверное, это просто мое воображение разыгралось не на шутку. Попробую-ка я приглядеться повнимательнее.

Он начал разглядывать стены, и действительно, то, что ему совсем недавно казалось живым, вдруг стало тем, чем оно и было с самого начала – простой известью.

– Ох, и разыгралось же у меня воображение! – в сердцах воскликнул Тибальд.

Наконец пещера подошла к концу, и гном, потерявший равновесие от неожиданно ушедшей опоры, растянулся на земле. Быстро вскочив на ноги, он огляделся по сторонам. Он оказался в еще одной пещере, ничем не отличавшейся от зала около его родной каморки. Ничем, кроме того, что выходов сейчас было лишь три: выход, через который он пришел, вернее, приехал и еще два, ранее не знакомых. Гном потоптался на месте и выбрал проход слева. Неожиданно голос, пришедший ниоткуда, заставил его вздрогнуть.

– Тибальд, восьмая часть линда.

– Почему? – воскликнул он, но никто не ответил.

Деваться было некуда, и гном продолжал свой путь. Бриллиант внезапно погас, так что Тибальду пришлось пробираться в кромешной тьме. Наконец он уперся в стенку. Это был тупик. А где же Залы Знания? Он ощупал стенку, стараясь найти проход, но шероховатая поверхность под его руками была абсолютно непроницаема. Надо был что-то делать. Тибальд начал вертеть в воздухе своим Бриллиантом. Светильник внезапно ярко вспыхнул: наверное, он провел камнем около специального места в стене, и коридор осветился. Под сводами пронеслось:

– Тибальд – четвертая часть линда.

Перед гномом действительно была стена. Такая же стена, как и все другие стены. Просто конец пути. Надо было возвращаться, чтобы прибыть до рассвета. Тибальд повернулся и уныло поплелся назад. Его окружали все те же зага-

дочные фигуры, которые он уже встречал. Но гном не обращал на них никакого внимания, так тоскливо у него было на душе, ведь Тибальд был абсолютно уверен, что отыщет Залы Знания, и вот оказалось, что его старания разбились в прах.

Время шло, а гному еще было довольно далеко до своей каморки. Наконец он побежал. Он не знал, сколько времени еще оставалось до следующего Бриллиантового Дня, ведь сейчас Магический Бриллиант не смог ему служить часами, но его внутреннее чутье говорило, что необходимо торопиться. Гном бежал, тяжело дыша, поминутно спотыкаясь и падая. Наконец он вбежал в пещеру с тремя выходами и безошибочно выбрал тот, из которого прибыл. Упав на платформу, он поплыл вверх. Несколько раз неведомый страж отсчитывал линды Тибальда, но он уже не обращал на это никакого внимания. Путь обратно Калты, словно понимающие, что Тибальду необходимо добраться домой побыстрее, проделали почти мгновенно. Взмыленный гном свалился на свою кроватку до срока. Но сон не шел.

– Почему? Почему же я не нашел Залы Знания?

Ответ, как все этой ночью, пришел неожиданно. Перед глазами Тибальда вдруг встала та самая тупиковая стена и фигурки гномов, застывшие в углу. Их было шесть. Они стояли на коленях, протянув руки к Тибальду. Вторая фигура слева была его матерью, третья справа – его отцом. Он был в этом абсолютно уверен так, как не был уверен никогда и ни в чем.

– Тибальд – пять линдов, – оглушило его.

Когда Тибальд проснулся, Бриллиант мигал.

– Проспал, – метнулась мысль в голове гнома.

Гном не явился в положенное время на работу! Такого нарушения никто и представить себе не мог! За подобное кощунственное преступление, попрание всех законов и правил, ужасные беды ждали его, всех его друзей и знакомых. Бежать на работу было бессмысленно. Оставалось только сидеть и покорно ждать своей участи. И Тибальд стал готовиться к исчезновению.

Тишину разорвал резкий звук из-под пола пещеры, откуда-то из глубины:

– Бум, бум, бум!!

Восемь ударов услышал Тибальд. Затем все смолкло. Сердечко бедного гнома разрывалось, его удары отдавались в висках громче боя невидимого судьи, он ждал... И дождался.

– Бум-бум-бум, бум-бум-бум, бум, бум!!

На этот раз он услышал десять тройных ударов. Тибальд сжался в комочек, желая только одного: чтобы все скорее кончилось, так или иначе, но кончилось! Наконец неведомый голос провозгласил.

– Твое наказание оценено в восемь линдов. У тебя девять линдов ровно! Ты будешь жить!

Долго гулкая тишина отзывалась в ушах гнома. Внезапно что-то нашло на него и, упав ниц на пол, Тибальд принял-

ся молиться богам своего мира. Он сотрясался от рыданий, он умолял богов смилостивиться над ним и отпустить его из гномьих пещер в солнечный мир цветов, радости и солнца: «Отпустите меня, я хочу увидеть мир, хочу быть свободным и счастливым, вдыхать запах цветов, я выбираю жизнь, а не полумертвое существование в этом всегда унылом, всегда одинаковом подземелье!». Его вопли долго разносились по пустым коридорам. По гномьим преданиям, боги обитают в центре земли, но Тибальд обращался в своих мольбах к небу, вернее, потолку своей каморки. Долго он плакал, долго молил; наконец обессиленный, гном упал на пол и заснул.

Очнувшись спустя некоторое время, Тибальд обнаружил, что вся его пещерка заполнена ярким светом, которого он раньше никогда не видел. Этот свет нестерпимо резал глаза, и гном почти ослеп. Свет исходил из щели в стене, которую гном раньше не замечал. Повинуясь непонятному порыву, он протиснулся в эту щель и попал в какую-то новую неизвестную пещеру. Свет стал еще ярче, еще невыносимее. Но гном упорно продолжал двигаться в ту сторону, откуда исходило это свечение. Ничто не останавливало его. Пройдя несколько залов, он очутился в пещере, полной изумрудов. В другой момент он бы поразился, но не сейчас. Одна мысль свербила его мозг: «к Солнцу!». И хотя неведомый свет отражался и играл на изумрудах, не позволяя узнать откуда он исходит, гном не задумывался. «Вперед!». Он очутился в следующей пещере, вспугнув целую стаю то ли летучих мышей,

то ли им подобных летающих созданий. На миг все вокруг потемнело, но Тибальд увидел свет наверху и полез по стене, помогая себе руками, ногами, зубами, всем телом. Прямо под потолком он без труда нашел дыру, откуда пробивался странный свет, и протиснулся в нее. Какой-то клубок нитей накрыл гнома, переплетая и спеленывая, но Тибальд не тратил время на борьбу, он просто продирался вперед. А Пещерный Богомол, опасное гигантское насекомое, уже предвкушавшее вкусный обед, осталось ни с чем, ее жертва просто ускользнула через какую-то щель в стене.

Свет становился все ярче и ярче, в пещерах потеплело. Коридоры кишели полчищами крыс, их голодный писк не предвещал ничего хорошего, но гном не обращал ни на что внимания, как лунатик, двигаясь все вперед и вперед. И даже когда перед Тибальдом возникали глухие стены, он просто шел, не обращая ни на что внимания. Он ломал их, крушил, и проход находился – тот самый проход, через который пробивалось чудесное свечение. Он изорвал свои одежды, изранился об острые грани пород, но ничто не могло его остановить!

Каменные стены коридоров постепенно превращались входы в глине, потом глина превратилась в землю. Мимо проползло непонятное слепое существо, потом другое существо с длинным носом пыталось прижать Тибальда лапой. Однажды сырые стены норы обвалились и чуть не придавили гнома – он едва успел протиснуться в ... он сам не понял ку-

да. Все цвета радуги сплелись в один серо-бело-желтый цвет, все чувства слились в одно чувство, все мысли слились в одну мысль «Вперед – к свету!». Так гном и шел, шел, ломал, крушил и... Неожиданно последняя преграда рухнула, и он увидел свет!

Увидев свет всего лишь на мгновение, он ослеп. Он чувствовал дуновение ветерка, вдыхал полной грудью запахи и ароматы цветов, опьянев от наслаждения. Ошеломленный и потрясенный, Тибальд упал на землю.

Глава третья. О чудный мир!

Очнулся измученный гном от ощущения голода и чувства жажды. Зрение не вернулось к нему, было абсолютно темным: мрак, чернее мрака подземелий, окружал Тибальда, оказавшегося абсолютно слепым в этом новом для него, неожиданном, страшном и прекрасном мире. Жизнь текла вокруг гнома, он слышал пение птиц, журчание ручья, но ничего не видел!

– Спокойно, – сказал Тибальд самому себе – он снова был в состоянии трезво рассуждать, – зрение должно вернуться, надо только дать глазам привыкнуть. Но я голоден! Необходимо найти еду, в Дорфии я ел в Пещерах Утощения вместе со всеми гномами, а здесь все мне внове. Было бы обидно умереть от голода на пороге этого восхитительного мира, даже не увидев его! Но все же, как здорово, что я на свободе!

Двигаясь на ощупь, он сорвал какое-то растение и, пожевав его, выплюнул; ароматный цветок сильно горчил.

– Да, невесело мне приходится, – думал про себя Тибальд, ощупывая все вокруг в поисках еды. Он попытался идти на щебет птиц, но даже не смог коснуться птичьего хвоста, не то, что раздобыть себе ужин. И все же Тибальд не терял надежды:

– Давай трезво подумаем. Без еды я могу протянуть дольше, чем без питья. Значит, сейчас мне надо напиться. Если

есть где-то ручей, то я должен услышать его журчание.

И действительно, где-то журчал ручей. Видно, вода была близко, так как Тибальд слышал журчание довольно явно. Двинувшись на звук и пройдя несколько дюжин шагов, он очутился в воде. Упав на колени, Тибальд стал жадно пить, повторяя про себя:

– Не так все плохо, дружище: у тебя есть твоя гномья голова на плечах, а еще у тебя есть работающие руки – с такими руками и головой ты не пропадешь.

Внезапно что-то схватило гнома за воротник и понесло. Чувствуя, что висит в чьих-то зубах и ничего не может сделать, Тибальд размышлял:

– Наверное, это собаконий несет меня своим детишкам полакомиться – из хищников Тибальд знал только собакониев – так назывались в гномьем царстве собаки, которые вынюхивали золото по одному им известному запаху, – надо вырваться, а то меня съедят! – И он начал интенсивно раскачиваться, но, увы, гном почувствовал, как подлетел в воздух, а потом опять повис беспомощно у кого-то в пасти.

– Видно, животное, перехватило меня покрепче, надо выбираться быстрее, – лихорадочно перебирая в голове всевозможные известные ему магические заклинания, – подумал гном. Он произнес заклинание против собакониев, но оно почему-то не подействовало. Перепробовав еще с десятков заклятий, Тибальд сдался и, решив пока больше не сопротивляться, обреченно обмяк в пасти.

Наконец гном упал на что-то мягкое и почувствовал, что его лизут.

– Наверное, мамаша принесла меня своим детишкам поиграть – по крайней мере, я не буду сразу съеден. В крайнем случае, у меня есть и заклинания против съедения. Правда, подействуют ли они в верхнем мире? Нет, ничего не может грозить мне здесь при свете солнца! – Почему-то Тибальд был уверен, что все его беды подошли к концу.

Возня продолжалась еще долго. Тибальда тискали, тянули, лизали, нюхали. Прибавьте к этому еще голод, который мучил его, и вы получите приблизительную картину всего того, что чувствовал гном. В конце концов, шевеление прекратилось. Наверное, звереныши уснули.

– Надо бежать!

Он медленно встал, отряхнулся и, крадучись, побрел к выходу, по временам ощупывая пространство вокруг себя. Наконец перед ним возникло некое подобие входа в пещеру. Он рванулся к выходу, но, не успев пробежать и несколько шагов, услышал голос, громко говорящий на неведомом ему наречии. Его бережно подняли и понесли. Потом прозвучала какая-то команда и разлился приятный запах. Тибальд протянул руки, нащупав тарелку.

– Может быть, меня хотят отравить? – мелькнула мысль. – Да нет, – решил гном, – зачем этому существу травить меня, если оно может убить гораздо легче?

И он с жадностью накинулся на еду: еда была вкусной,

хоть гном ее и не видел. Наконец Тибальд ощутил приятную свежесть, разливающуюся по всему его маленькому усталому телу от башмака до колпака. Он вылизал тарелку и сразу же уснул.

Проснувшись, гном открыл глаза и тут же закрыл их: его ослепил нестерпимый свет, лившийся отовсюду. Он медленно приоткрыл немного веки и... у него перехватило дыхание. Тибальд видел свет, много света, гораздо более яркого, чем тот свет, который казался ему нестерпимым глубоко под землей, и долго не мог придти в себя, все привыкая к новым удивительным ощущениям.

Он находился внутри маленькой деревянной избушки около стены, на некоем подобии холмика, который служил кроватью. Вдоль дощатых стен висели связки ягод, грибов, еловых веток, а в углублениях громоздились кучи разных бутылочек, скляночек и кружечек, которые напоминали предметы в Пещере Взвешивания. Огромный гриб был прикреплен к потолку, так что перевернутая шляпка служила подобием подставки. На мясистой стороне шляпки стояли тарелки – не тарелки, а скорее большие вогнутые листья. Внутри листьев было налито нечто, напоминающее супонас – обычную еду Дорфии. Вместо пола зеленела обычная трава, на которой стояли пеньки – похоже, они служили стульями. Углов у избушки не было, впрочем, как и дверей: стены изгибались так, что куда ни посмотреть, отовсюду лился тот вол-

шебный свет, что проник в Дорфию и вызволил Тибальда. Но свет не слепил, он то становился более ярким, то тускнел по неведомой причине. Самым странным казалось то, что все внутри избушки как-бы немного двигалось и жило: и ягоды, и перевернутый гриб, и пеньки, и даже трава.

Тибальд, конечно же, никогда в своей жизни не видел ни избушек, ни травы, ни листьев – он даже не знал этих слов, так что, если бы он стал описывать избушку, ему бы скорее всего просто не хватило слов.

В конце концов когда первое изумление и восторг прошли, гном стал разглядывать пространство вокруг себя.

– Наверное, бутылочки и скляночки – это магические предметы, – подумал он.

– О, наконец-то ты проснулся! – послышался низкий голос.

– Кто это? – поразился Тибальд. Он ведь в своей жизни никогда не видел ни одно говорящее существо, кроме гномов и Весов. Поглядев в сторону, откуда слышался голос, Тибальд разглядел высокого гнома, но без колпака и рабочего передника – увиденное ошеломило его.

– Кто ты? И почему ты не работаешь, не добываешь сокровища? Немедленно хватай свой мешок и бе... – запнувшись на полуслове, рассмеялся Тибальд. Оглядев внимательнее говорившее существо, Тибальд увидел, что это не гном: у него не было бороды, по росту, даже сидя, оно возвышалось над Тибальдом, да и одето было тоже довольно необычно.

Незнакомец был человеком. Люди давно стали редкостью в Форстии, так называлось место, куда попал Тибальд. В нем не было ничего примечательного на человеческий взгляд, но для гнома незнакомец было неведомым великаном из сказок. В дорфийских сказках Человеки были хитрыми и злыми гигантами, умеющими принимать любую форму. Они заманивали гномов в свои красные и оранжевые дома и обкрадывали их, так что гномы, оставшиеся без сокровищ, потом приговаривались справедливыми Весами к исчезновению. К счастью, если Человек решал изменить свою форму, это могло продолжаться очень долго. Он так и застывал надолго, например, в получеловечьем-полузверином обличье, и поэтому был беспомощен. Чтобы спастись от Человека, необходимо было заставить его начать превращаться, и потом бежать.

Масофаг, а незнакомца звали именно так, действительно походил на героя сказок. Как и все Человеки, он был безбород, не носил колпака, но носил ботинки с загнутыми носками, одежда была зеленой, а на плечи был накинута голубой плащ. Лицо у него было недостаточно серьезным, а взгляд мечтательных глаз говорил о том, что Человек может в любой момент коварно изменить форму.

– Очень нескромное существо, – подумал Тибальд, – у него руки не прикрыты рукавами, а голова – колпаком. Ужасно необычный, но глаза ... глаза у него хорошие. Все же, надо с ним быть начеку!

– Ну, давай знакомиться, – донеслось до Тибальда. – Меня

зовут Масофаг, я колдун, живу в лесу, колдую, ворожу. А ты кто такой?

– Я?! Я – Тибальд. Я – гном, живу под землей.

– То, что ты гном, я вижу по твоему колпаку, но как ты сюда попал? Ведь гномы никогда не выходят на поверхность?

Тибальд решил не доверяться сразу этому странному волшебнику. Поэтому он ответил вопросом на вопрос.

– А мог бы ты рассказать поподробнее: где я, кто ты, и чем ты занимаешься?

– Хорошо, я тебе расскажу свою историю, а после этого ты подумаешь и решишь, стоит ли мне рассказывать свою.

Вот рассказ незнакомца.

Страна, в которой очутился Тибальд, называлась Форстией. Это было лесное волшебное царство (Масофагу довольно долго пришлось растолковывать Тибальду понятия, очевидные даже маленьким детям: что такое лес, что такое деревья, какие бывают разумные существа, что такое степи, поля, пустыни и так далее). Лес в Форстии был везде: где-то более густой, а где-то менее, в отдельных местах дремучий и непроходимый. Никто точно не знал границ этой страны, ни у кого не было ее точной карты. Форстия была наполнена магией. Каждый кустик, каждая веточка, каждый зверек – все дышало магией. От каждого сучка здесь можно было ожидать сюрпризов. В Форстии не было короля или королевы, или любых других правителей. Поэтому не было и лю-

бой власти. Но некая странная сила все же управляла страной, ходили слухи, что эта невероятная сила управляет также всем миром. Что это за сила, никто не знал. Неведомую силу называли шепотом: «Фата-Моргана». Но, несмотря на отсутствие власти, в лесном царстве были города, которые выросли прямо посреди леса, были удивительные дома – деревья, площади – поляны, улицы – тропки. Более того, в Форстии существовал закон, который строго-настрого запрещал строить что бы то ни было новое. Можно было лишь использовать лес таким, какой он есть. Как возник этот закон, как и все другие законы, не знал никто. Просто, все были уверены, что так нужно делать, а иначе – нельзя.

Вообще, Форстия существовала благодаря своим законам. Были законы для деревьев и для их частей – веток, корней, листьев, для зверей и для людей. Были законы, регулирующие отношения людей и зверей, людей и животных, животных и растений.

Все эти законы были неписаны. Их просто знали. Самые строгие законы – законы растений – регулировали каждый их шаг (да, растения двигались). Например, деревьям было запрещено уходить больше, чем на три шага (шагов деревьев) с места своего рождения. Птицы обязаны были летать ниже самых высоких деревьев, а люди были почти не ограничены в своей свободе. «Несправедливо» – скажете вы? И окажетесь не правы. Каждый тип жителей Форстии гордился своими обязанностями и правами. Дубели хвастались

тем, что у них столько законов, а люди – своими свободами. Форстейцы были счастливы, каждый по-своему. Зачастую можно было наблюдать красивую рощицу, деревья которой с увлечением спорили о том, у кого больше обязанностей. Но все же и эти неписанные законы иногда нарушались, и тогда участники искали правду в судах.

Откуда взялась Форстия, не знали даже старожилы. Говорят, был просто лес, какой-то волшебник наложил великое заклятье, и лес зажил своей жизнью. Люди, животные и просто сказочные создания, приходившие сюда и остававшиеся, потихоньку тоже становились частью этого гигантского леса и обучались магии.

Разные существа обладали разной способностью к магии. Люди были наиболее способны к создающей, а растения – к поддерживающей магии. Например, волшебник мог сотворить перламутровое озеро и доверить его поддержание ветвистому Топоню. Озеро оставалось чистым и сверкающим годами. А особо древние деревья обладали противомagicескими способностями: рядом с ними никакое волшебство не действовало. Так и жил этот лес веками и тысячелетиями.

Масофаг был одним из жителей приграничья Форстии. Когда-то он был пастухом. Однажды, догоняя убежавшую овечку, он забрел в этот лес, и ему так здесь понравилось, что он остался навсегда. Как и все жители лесной страны, Масофаг стал колдовать, потом преуспел в магии. Время шло. Масофаг становился все более и более опытным. Он стал вызы-

вать других магов на состязания и неизменно побеждал, чем и заслужил прозвище «Масофаг-Победитель». Так он прослыл одним из лучших магов Форстии. Как-то, еще в бытность пастухом, Масофаг приручил гигантскую зайчиху. С тех пор она охраняла его стада. Когда Тибальд выбрался из-под земли, зайчиха заприметила его, и, решив, что гном послужит отменной игрушкой или лакомством для ее зайчат, принесла Тибальда к себе в конуру – Масофаг устроил своей зайчихе конуру в старом дереве. Ее зайчата, повозившись с Тибальдом, бросили его в углу конуры и легли спать. А когда Тибальд решился бежать, его заметил сам Масофаг, накормил, предварительно подмешав в еду зелье ясности. Именно поэтому Тибальд прозрел и, кроме того, научился понимать незнакомый ему до того язык Масофага.

Выслушав рассказ мага, гном решил, что история, рассказанная Масофагом, звучит вполне убедительно. Ему вообще очень понравилось в этом домике внутри дуба. Здесь было солнечно, пахло листвой и грибами, монотонный голос Масофага расслаблял и одновременно успокаивал Тибальда. Решив довериться волшебнику, он рассказал свою историю.

Маг слушал внимательно, не перебивая гнома. Тибальд видел, что история очень заинтересовала волшебника. Когда гном дошел до того момента, как он взмолился богам подземного царства, Масофаг язвительно хмыкнул, но услышав о сказочном свете, заполнившим пещеру, волшебник внезапно посерьезнел и продолжал слушать очень внимательно

до самого конца.

– Как все это знакомо! – воскликнул он, но сколько Тибальд ни пытал волшебника, форстиец не проронил больше ни слова.

– Ладно, – произнес волшебник, – ты выбрался из вечного мрака подземелья, и теперь сам себе хозяин! Поживи у меня немного, а потом решишь, что тебе дальше делать и как поступать. – А сейчас, если ты сыт, доволен и жаждешь увидеть своими глазами то, о чем я тебе рассказывал, милости просим в Форстию! – сказал волшебник и указал на внутренний вход в дупло, спрятавшийся за кроватью. Выбравшись из дупла и отодвинув ветки, они оказались в лесу.

Первые ощущения не подвели Тибальда. Действительно, неподалеку журчал ручей. Вокруг высились дубы, а сверху ярко светило и грело ярко-желтое солнце. Для любого создания из верхнего мира эта картина показалась бы обыкновенной и обыденной, но Тибальд был гномом, поэтому он долго тарасил глаза на все это великолепие. Он никогда не видел солнца, как никогда не видел леса и деревьев. Кроме того, Тибальд не знал о существовании никакой другой разумной жизни, кроме жизни в Дорфии, а тут такое!

Они находились на обширной поляне около огромного дерева. Поляну окружали деревья – дома. Между деревьями плутала тропинка, а по тропинке, беседуя, неспешно прогуливались странно одетые создания, похожие на Масофага, – как пояснил волшебник, этими высокими созданиями бы-

ли люди – и другие, еще более странные, ни на что не похожие, именуемые гоблинами или забродами, так как они имели обыкновение забредать в лес, спускаясь с верхушек прилегающих к Форстии гор. Позже, пожив в Форстии, Тибальд привык и к людям, и к гоблинам, и к другим удивительным созданиям: к проворным крылатам, к неразговорчивым ниязам с дубелями, и к бесконечному разнообразию других разумных и не очень разумных обитателей Форстии, но сейчас его удивлению не было границ.

Некоторое время новоиспеченный обитатель поверхности прислушивался, приглядывался и принюхивался к окружающему, а потом затанцевал, закружился – он никогда не думал, что будет так счастлив. За спиной послышался голос Масофага.

– Ну, ты тут погуляй сам, а я пока домой, поколдую над ужином: тяжела жизнь старого холостяка.

Но Тибальд не слышал слов Масофага, так он был поглощен своими ощущениями. Он бродил по лесу, вдыхая запах цветов, деревьев и разглядывая все вокруг. В этом прекрасном мире все менялось ежесекундно. Ручей все время изменял свое русло, деревья шевелили листвой, ветки и листья тоже замысловато двигались. Здесь каждый листик жил. Причем, вы не поверите, деревья жили, и ветки жили, и листья на них жили своей особой никому непонятной жизнью, и весь этот хоровод живых существ говорил, пел и шептал, не мешая друг другу. Тибальд подошел к речке напиться во-

ды, но ручей вдруг изменил русло, и Тибальду пришлось догонять его. А потом, когда Тибальд пил, ручей окатил его водой. Весь лесзнакомился с Тибальдом, а Тибальд – с лесом. Уставший и счастливый, гном заснул прямо на траве, а близлежащее дерево укрыло его листьями.

На следующий день Тибальд решил поделиться всем увиденным с Масофагом. Подумав: «Как же мне его найти? Ведь кругом лес! Не заблудился ли я?», Тибальд в шутку спросил дерево, возвышавшееся рядом:

– Эй, дружище, где живет Масофаг?

К его несказанному удивлению, дерево что-то проскрипело и качнуло ветвями в сторону восходящего солнца.

– Попробуем последовать древесному совету, – полушутя подумал Тибальд и, отправившись в путь, уже через полчаса набрел на избушку своего нового покровителя. Зайдя внутрь, гном застал Масофага за работой – тот, надев фартук, готовил угощение.

– Ну, нагулялся, бродяга?! – усмехнулся Масофаг, увидев сияющее лицо гнома, – а теперь за стол! К счастью, в моей избушке нет никого живого кроме нас с тобой – простое заклинанье истребило живые щепки и живую пыль, так что, никто не будет тебе мешать есть всякие вкусности.

Тибальд не поверил своим глазам. На столике дымилась чашка стронны, а на тарелке возлегал король всех яств – брорпс.

– Это мой первый опыт, – потупил глаза Масофаг.

Еда была великолепна, хоть Тибальд и не мог понять, как волшебник догадался о любимых кушаньях всех гномов. После еды они разговорились. Вопросам Тибальда не было конца.

– Что такое солнце и почему оно желтое?

– Что такое небо и почему оно голубое?

– Что такое деревья?

– Они живые или нет?

– Что они едят?

– Почему у тебя нет Магического Бриллианта, и как ты отмеряешь тогда дни?

Тибальд все спрашивал и спрашивал, а Масофаг, как мог, отвечал на его вопросы. Ведь к некоторым вещам мы просто привыкли и никогда не интересуемся ими. Вот, например, попробуйте ответить на вопрос о том, что такое солнце!

Наконец наступил вечер, и волшебник предложил Тибальду прогуляться опять. Как же удивился гном, когда обнаружил, что вокруг потемнело!

– Сумрак! Прямо как в Дорфии! Куда исчезло солнце! – закричал он.

– Не бойся, – ответил Масофаг, – Солнце исчезло, но оно взойдет опять.

– А куда оно исчезло?

– Я не знаю. Я думаю, что оно устает светить и уходит отдохнуть вон за те холмы.

– Давай пойдем проверим!

– Ты знаешь, – смутился маг, – я уже проверял. Да, я ходил за те холмы, но солнце днем там так же высоко, как и у нас.

– А ты бывал дальше?

– Да, за теми холмами есть еще одни холмы, и туда я ходил, но оно нигде не спускается на землю отдыхать. Может, оно отдыхает на краю Земли?

– А что у Земли есть край? – загорелся гном.

– Ну, некоторые утверждают, что Земля – круглая.

– Давай это проверим!

– Я пробовал, ходил далеко, но не нашел ни одного места, где она закругляется.

– Неужели этого никто не знает!

– Единственное место, где могут знать ответ на этот вопрос – это Фэйри-Град. – Масофаг хитрил, он очень хорошо знал, что такое солнце, но почему-то не хотел делиться с гномом.

– Фэйри-Град!

Слова Ваки вспыхнули в сознании гнома. Фэйри-Град! Царство фей и эльфов! Он ведь туда искал дорогу!

– Масофаг, расскажи мне о Фэйри-Граде!!!

– Фэйри-Град ... Это такое место далеко отсюда... Давай лучше я тебе расскажу про повадки ниязов.

И сколько Тибальд ни пытал волшебника, ему ничего не удалось больше узнать.

Глава четвертая, повествующая о Форстии

На следующий день Тибальд встал рано и начал исследовать окрестности. За поляной, на которой располагался дом волшебника, высились ниязы, дубели и топони. Тибальд наконец сумел познакомиться с Шаловливым Ручьем, что окатил его вчера водой. Обычно, Ручей протекал по поляне, но иногда и огибал ее: все зависело от его настроения. Ручей говорил с трудом: его речь перемежалась журчанием, всплесками и шумом. Очень сложно было вычленить из этой какофонии звуков нечто осмысленное. Вот послушайте их разговор:

– При(буль-буль)ве(ля-ла)

– Кто это сказал!

– Это яаа, Шаловли-вли-вли Ручеееее.

– Ты умеешь говорить?

– Вли-вли-вли, Тибльд.

– Откуда ты узнал мое имя?

– От малень-лень-ленького ручей-чейка под буль-буль избушшшшкой.

– Здорово! Давай дружить! Я никогда не дружил с ручьями! – и Тибальд с размаху бросил камешек в Ручей, на что тот обрызгал его с головы до ног.

– Маооотри, куда твой камешшшшек плывеет и догоняй

его!

Отряхнувшись, Тибальд помчался за камнем по течению, но скоро безнадежно отстал.

– А ну тебя! – крикнул Тибальд, улыбнувшись, махнул рукой и пошел дальше.

Как и у себя в Дорфии, он старательно чертил план всего, что видел вокруг, но не на бумаге, а на Магическом Зеленом Листе, который подарил ему Масофаг. У самого волшебника не было плана, потому что, как он утверждал, все в Форстии постоянно двигалось. Но Магический Зеленый Лист как бы предсказывал поведение предметов, и рисунок менялся. После того, как Тибальд нарисовал форстейцев, наиболее близких к избушке, они сразу задвигались на плане. Для более неторопливых форстейцев предсказания Зеленого Листа были достаточно точны, а вот за теми, что двигались быстро, зеленый лист не поспевал, а за некоторыми он даже не пытался поспеть. Так Тибальд нарисовал Шаловливый Ручей, проходящий прямо через поляну, и на листе он не двигался, хотя в течение дня ручей поменял свое русло раз десять. В этом странном мире не было деления на живое и неживое, движущееся и не движущееся: все хоть немного, да жило. И даже сам Зеленый Лист, даже избушка Масофага... они были живы, но насколько – трудно было сказать.

Поболтав с ниязами и топонями, Тибальд двинулся по течению Шаловливого Ручья. В маленькой рощице странных

растений жили крылаты. Они были похоже на летающих куриц с длинными хвостами. Общим у всех крылатов было то, что они умели летать. Но между собой они различались так, как может, скажем, различаться птица и Пегас. Вечерами они собирались в рощах и сплетничали.

Первый крылат (вернее крылатша), на которую натолкнулся Тибальд, была пегой, довольно пушистой и звалась Крыдрой. Когда Крыдра поднималась в небо, ее пушистый рыжий хвост развевался на ветру. Все это очень походило на ворох осенних листьев, неожиданно сброшенных с деревьев пролетающим мимо ветром. Крыдра, похоже, знала все о Форстии, но ее знания были какими-то однобокими. Она делила всех форстейцев на хороших, плохих и подозрительных. Тибальда она посчитала подозрительным из-за того, что никогда не встречала гномов. Тем не менее Тибальд и Крыдра разговорились:

– Скажи-ка, Крыдра, а слыхала ли ты что-то о Фэйри-Граде? – спросил Тибальд. Его удивляло то, что Масофаг скрывает правду.

– Фэйри-Град? Конечно слыхала, но ни за что туда не полечу!

– Почему?

– Там живут плохие жители (словарный запас крылатов был невелик). Они умеют летать, но никого к себе не пускают. Как будто, кому-то к ним надо!

– А почему они не пускают?

– А злые они! И еще они расплодили чудовищ, которые ловят честных жителей. Сами-то сделали себе прозрачные крылья и любят себя, а всех остальных ни в грош не ставят. Худшие жители! Постоянно задирают нос, поэтому и неприятности у них.

– Какие?

– Заладил: «Какие, какие!» Неприятности у них, потому как злые, – и Крыдра, взмахнув хвостом, уселась на ветку.

– Слышишь, Варна, этот подозрительный незнакомец интересуется Фэйри-Градом. Может, ты что-то знаешь? – спросила она пролетающую мимо темно-синюю крылатшу с белым хвостом.

Варна резко затормозила крыльями и села рядом с Тибальдом.

– О, у нас новый форстиец! Добро пожаловать! – прокаркала она. Варна была немного больше Крыдры и напоминала фазана своим ярким опереньем. Она осмотрела Тибальда с ног до головы и потом добавила, словно не заметив вопроса Крыдры.

– Тибальд, – она уже откуда-то знала имя гнома, – тебе у нас здесь понравится! Приходи к нам на полетелки вечером, мы тебе расскажем много чего.

– А что такое полетелки? – пробормотал Тибальд, удивленный поведением Варны.

– Каждый день вечером, мы собираемся на воон том высоком дереве – сосквойе, жуем сено и общаемся. Ты любишь

сено?

– Ну, как вам сказать...

– Ладно, – прощebetала Варна, – тогда будешь есть зерно! Не понимаю, как можно есть это ужасное зерно, оно же не вкусно!

Но Тибальд был рад. Ведь у него появилась возможность поболтать с несколькими форстейцами одновременно и узнать много нового. И, конечно же, в первую очередь, о Фэйри-Граде. Он даже не подумал о том, как будет взбираться на высокое дерево.

Со времен Дорфии мир Тибальда невероятно расширился, но Фэйри-Град так и оставался таинственным полулегендарным чудесным краем, поэтому Тибальда как магнитом тянуло к нему.

Вечером Тибальд, как и обещал, пришел к дереву, где проходили полетелки. Крылаты еще не прилетели, и гном бродил вокруг, раздумывая о том, как забраться на небольшое гнездо на верхушке дерева. Наконец он догадался:

– Сосквойя, пожалуйста, подними меня наверх! – сказал он, обращаясь к дереву. Но никто ему не ответил.

– Сосквойя, ты меня слышишь? – крикнул Тибальд громче, но дерево не отзывалось.

– Бесплезно, – прокаркала подлетевшая Варна, – Это древняя Сосквойя. На моей жизни она ни разу не проронила ни слова. Я даже не знаю, слышит ли она нас.

– Жаль, – огорчился гном.

– Не горюй! Вместе как-то долетим. Садись ко мне на спину!

Гном с опаской сел на спину Варны, и она попыталась взлететь. Только представьте себе фазана и оседлавшего его крошечного гнома!

Но тем не менее ей было тяжело. Варна взлетела, пролетела мимо нижних веток тяжело дыша, потом медленно спланировала вниз и огорченно проговорила: «Ты очень тяжелый!».

Ссадив Тибальда и бросив его на произвол судьбы, она быстро поднялась вверх. Гном совсем расстроился. Он ведь мог столько узнать и приобрести новых друзей.

– Нет, глупости, как-то доберусь, – сказал он сам себе и начал лезть на дерево. Это было непросто, но Тибальду почему-то казалось, что дерево ему помогает. Может, Сосквойя была не такая уже древняя, как утверждала Варна.

Сосквойя перекидывала гнома с ветки на ветку, и в конце концов он добрался до кроны. Полетелки были в самом разгаре, крылаты уже все собрались. Но гнездо на верхушке было настолько мало, что в него поместилась лишь маленькая серая хохлатка размером с перепела – Лесквитт. Остальные крылаты расселись по веткам (да, они действительно уместились), ели зерно и сено и оживленно болтали.

– А вот и наш гость! – пропела Варна. Похоже, она уже успела растрезвонить всем о Тибальде. При этих словах, крылаты мгновенно уставились на гнома.

– А маленький какой! – пропел один.

– А одежда какая забавная! – пропищала другая.

– А колпак! – прыснула со смеха третья.

– Не обижайся, Тибальд, – прочирикал Лесквитт, – мы тебе очень рады, просто ты такой странный! Мы никогда не видели гномов, поэтому и удивляемся. Но как ты сюда попал? Ведь гномы живут под землей!

Тибальду вначале было неловко среди немного бесцеремонных и грубоватых крылатов, но видя с каким интересом все ждут его рассказа, он вначале робко, а потом все более увлекаясь, рассказал свою историю.

– Ты столько всего пережил! – воскликнул Лесквитт. – А у нас ничего не происходит. Мы летаем целыми днями, болтаем, веселимся, так и проходят дни! Но если кто-то поступил не справедливо, мы спуску не дадим. Растрезвоним на всю Форстию!

– А чего это ты, Лесквитт, все болтаешь и болтаешь, – возмутилась Крыдра с соседней ветки, – дай Тибальду сказать.

Лесквитт огрызнулся, но замолчал. Похоже, ссоры среди крылатов были не редкостью. Тибальд, польщенный всеобщим вниманием, решился наконец спросить.

– Вот вы, крылаты, всюду летаете и все знаете. А слышали ли вы про Фэйри-Град?

– Опять он заладил про свой Фэйри-Град, – немедленно отозвалась Крыдра. – Там живут плохие жители!

– Почему же плохие? – прочирикал Лесквитт. – Тебе до

них далеко, вот ты и завидуешь!

– Да, – отозвалось сразу много голосов, – они ведь летают. Конечно, не так как мы, но летают, а значит, чего-то стоят!

– Да они глупые! – разошлась Крыдра, – чудовищ плодят! Умные не плодят чудовищ!

– Зато они веселые! А ты все время ругаешься!

Тут к разговору подключилась Варна.

– У них даже полетелок нет! – прокаркала она.

Похоже, собиралась ссора, и крылаты готовились повывидать друг другу перья, у кого они есть, и пух, у кого он был! Тибальд решил сменить тему. Перекрикивая общий гомон, он задал вопрос, которые уже давно мучил его:

– Вы все такие разные, а мы, гномы, одинаковые! Почему так? Лесквитт, как выглядели твои родители?

Воцарилась тишина. Похоже, крылаты никогда не задавали себе это вопрос.

– Мои родители были... людьми... – неуверенно вспомнил Лесквитт.

– А мои выглядели точно так же, как я, – прокаркали, прокрикали, пропели крылаты.

– А мы не помним своих родителей, – отозвались другие голоса.

Похоже, у Тибальда было немного шансов получить ответы на свои вопросы. Наверное, не было вопроса, по которому крылаты были согласны.

Полетелки затянулись до ночи. Каждый крылат очень хо-

тел высказаться, и часто разговоры перетекали в споры, а споры – в ссоры.

Правда, у Тибальда сложилось впечатление, что несмотря на ссоры и на то, что они все такие разные, крылаты любят друг друга и чувствуют себя одной семьей!

Усталый, не получивший ответов ни на один из своих вопросов, но почему-то довольный, Тибальд примостился на ветке, укрывшей его своей хвоей, и мирно посапывал.

– А наш маленький гость уснул, – вдруг гаркнула Варна прямо ему на ухо. – А мы уже разлетаемся!

С этими словами она зубами схватила Тибальда, бросила его себе на спину и полетела вниз. Удивительно, но на этот раз ей было совсем не тяжело, она даже сама удивилась. Ободренная, она донесла гнома до самой избушки Масофага и, не попрощавшись, улетела.

Так, Тибальд стал гостем колдуна. Он познакомился с лесом и его волшебными обитателями, Масофаговой зайчихой Дромией и ее зайчатами. Масофаг приказал Дромии слушаться Тибальда, и зайчиха послушно выполняла приказы. Она и Тибальд подружились – приятной обязанностью гнома стало кормить зайчиху и ухаживать за ней. Он был весел и наслаждался жизнью, солнцем, светом и лесом. Гном долго болтал с Масофагом о Форстии, помогал волшебнику в домашнем хозяйстве, учился у него магии и сам научил Масофага тому немногому, что знали гномы.

Он расспрашивал всех встречаемых Форстийцев о Фэйри-Граде, но деревья о нем ничего не знали, крылаты знали что-то, но они противоречили друг другу, и невозможно было найти правду. Люди, которых было очень мало, почему-то очень мало знали о нем, а камни, похоже, вообще не умели говорить.

Прошел год, гном счастливо жил и радовался новому миру. Но беспокойные мысли постепенно все больше овладевали им.

– Что я делаю здесь? – спрашивал он себя, – все мои братья – гномы остались в Дорфии, изваяния моих родителей, вмурованные в стены, остались в Форстии. За тот год, что я нахожусь в Форстии, я не встретил ни одного гнома, у меня нет никого. Каждые сто двадцать три дня кто-то исчезает в Дорфии, но даже в обычные дни жизнь гнома уныла, скучна и беспросветна! Неужели ничего нельзя сделать?!

Он поделился своими тревогами с Масофагом.

– Неужели, никак нельзя помочь моим друзьям? Ты не знаешь, как свет солнца проник в мою каморку? Я не верю, что это – случайность: кто-то послал его.

– Мне кажется, я знаю. Ты сам его вызвал. Если хочешь помочь гномам, попытайся отыскать вход в Дорфию. Попроси Дромию показать тебе его, она ведь первой обнаружила тебя!

Но Тибальд, как ни пытался, не смог отыскать тот самый проход, который вывел его из-под земли. Дни проходили за

днями, и гномом стало овладевать уныние. Он пытался отвлечься, помогая своим новым друзьям, но ни сооружение Магического Бочонка для медвянников, всегда полного меда, ни изготовление специального удобрения для дубелей, которое помогало им переносить засушливые дни, не одолели это уныние. Гном чувствовал себя почти преступником: ведь он живет радостной веселой жизнью в то время, как его братья влачат жалкое существование. Тибальд осознавал, что его жизнь проходит понапрасну и ничего нельзя изменить. Кроме того, ему начинало казаться, что Масофаг скрывает многое от него: он часто не договаривал фразы, ходил с загадочным лицом и думал о чем-то своем. Попытки гнома выяснить, что же творится с его новым другом, не достигали успеха: Масофаг не хотел раскрываться перед гномом. Мало-помалу, мысли Тибальда изменили русло и потекли в новом направлении.

– И зачем я выбирался из-под земли? – спрашивал он сам себя, – Ведь я хотел найти волшебный город Фэйри-Град – самое прекрасное место во всей Вселенной! Что же я делаю? Почему я теряю время здесь, когда моя цель – Фэйри-Град?!

Наконец Тибальд решил попрощаться с Масофагом и отправиться в путь. Узнав о намерениях гнома, Масофаг внимательно поглядел на Тибальда и спросил:

- Ты хочешь попасть в Фэйри-Град? Ты уверен в этом?
- Да! – горячо ответил Тибальд.
- Хм, я привязался к тебе и буду очень скучать, но, если

это – твоё желание, я не буду препятствовать. Только запомни одно: ты попадешь в Фэйри-Град, но пожалеешь об этом!

Эти слова волшебник выдал как бы через силу и сильно побледнел.

– Откуда ты знаешь? – спросил гном, – и чего мне жалеть?

– Я ведь волшебник и знаю то, о чем ты даже не догадываешься. Я предупреждаю тебя еще раз: ты пожалеешь о том, что хотел там оказаться!

– Все равно, я не отступлюсь!

– Хорошо, тогда поживи у меня еще месяц, подумай, а по окончании этого месяца я соберу тебя в дорогу.

Как ни хотелось Тибальду терять лишний месяц, но слишком многим был он обязан Масофагу, да и, кроме того, сильно с ним сдружился.

Прошел месяц. Тибальд продолжал болтать с крылатами, прилетал на их полетелки, разговаривал с деревьями (с теми, что могли разговаривать), играл с Шаловливым Ручьем, забирался дальше во владения пискунов, хвостунов и медвянников. Ему все были рады, хоть и отнеслись подозрительно вначале. Наконец Тибальд рассказал всем, что уходит искать Фэйри-Град. Его друзья сильно расстроились, как он и ожидал. Больше всего возмущалась Крыдра.

– Зачем такому хорошему гному искать злых жителей?! – удивлялась она.

Ему надели множество подарков – целый воз. Деревья – ягоды и грибы, крылаты – какое-то особое съедобное сено,

Ручей – свежую воду, которая так и оставалась свежей, хоть и не была живой, хвостуны – волшебные хвосты. Да все даже и не перечислишь.

Масофаг был очень удручен. Раз в жизни он нашел настоящего друга, и вот – опять его потерял! Он не рассказывал всего, что знал о Фэйри-Граде, надеясь, что Тибальд полюбит Форстию и она станет его домом. Но этого не случилось, и вот, приходилось прощаться с гномом. Правда, Масофаг знал, что они еще встретятся, но и где как – не ведал. Похоже, ничего хорошего их встреча не принесет. Он понимал, что что бы ни делал, конец будет ужасен, но все же искал пути, пытался найти хоть какой-то выход. Почему-то, Масофаг был уверен, что Расскажи он правду Тибальду, все случится быстрее, ведь гном быстрее достигнет Фэйри-Града! Но если не рассказать всего, у гнома появится хоть призрачный, но шанс. Самого Масофага ведь спас только случай! Кроме того, Масофаг просто не мог перешагнуть через себя и раскрыть правду! Но все же, он решил не чинить препятствий другу, и помочь всем, чем может.

Волшебник подробно рассказал гному, как дойти до Фэйри-Града, объяснил, как противостоять ужасным чудовищам, которые встретятся на пути, дорисовал его план так, что на нем появилась дорога, приготовил множество полезных снадобий. Масофаг вместе с Дромией проводили гнома за владения крылатов, а зайчиха его чуть ни раздавила в объятиях! Наконец Масофаг и Тибальд простились.

Глава пятая. Путешествие в Фэйри-Град

Тибальд вышел в дорогу утром с первыми жаворонками и отправился прямо на запад – эта дорога вела к Фэйри-Граду. Масофаг не знал точно, где находится этот город, да и никто не знал: город перемещался в пространстве сложным образом – это была капля, плавающая в воздухе. Любой ветерок, любое воздушное течение отправляло каплю в сложное запутанное путешествие. Но Зеленый Лист должен был служить гному картой внутри Форстии, а потом, двигаясь на запад, Тибальд надеялся отыскать Фэйри-Град,

Наконец путешественник вышел из Города Чудес и по Дороге Прозрения двинулся в сторону Города Процветания. Города Форстии представляли собой поляны и прогалины в зеленом чудесном лесу. Обычно в центре такой поляны возвышался вековой дуб-судья. Он решал все спорные вопросы форстийцев, передавая лишь особо запутанные и редкие случаи верховному магу этого города. Маги обычно жили в дуплах деревьев. Дуб – судья бывал настолько древним и крепко погруженным своими мощными корнями в землю, что, казалось, он так и простоит еще многие века, не шелохнувшись.

Судились в Форстии все. Нередки были судилища камешка с человеком или дубели со своим сучком. Дерево – су-

дья обычно, выслушав жалобы обеих сторон, указывало своей веткой – рукой на одного из судящихся, оглашая приговор:

– Ты виновен!

Авторитет судьи был настолько велик, что ни у кого не возникало желание оспорить его приговор, а виновная сторона, ощутив всю тяжесть своего проступка, немедленно налагала наказание сама на себя под пристальным взором дуба. На самом деле, у дерева глаз, конечно же, не было, но весь его вид, выражавший бездну безграничной уверенности, его раскидистая крона, его толстые и древние корни не оставляли никакого сомнения в том, что за провинившимся внимательно наблюдает справедливый судья. Виновные обычно искренне раскаивались. Тем не менее, поток форстийцев, желающих судиться, не иссякал, ведь все хотели победить.

И все же иногда существо, признанное виновным, не раскаивалось. Это случалось чрезвычайно редко, но все же случалось. Судью такое несогласие обычно не особо трогало – он лишь бормотал что-то вроде: «Молодое поколение», но все форстийское общество – и особенно выигравшие тяжбу – в таком случае бывали потрясены. Дело передавалось на досмотр верховному магу города, а, если и это решение отвергалось условно виновным, дело рассматривал Верховный Маг всей Форстии.

Масофаг по закону временно числился таким магом – судьей. Единственный случай, рассмотренный им за всю служ-

бу, был связан с жалобой дуба – судьи на его собственный корень. Уставший от вынужденного безделья, Масофаг переселился в свою избушку, всегда, впрочем, готовый к рассмотрению новых запутанных случаев.

Вернемся к городам Форстии. Вокруг судьи громоздились жилища крылатов, медвянников (медведей без клыков), цветодеев (разумных цветов), гоблинов и других горожан. Правда, некоторым форстийцам дома вовсе были не нужны. Зачем, скажем, дом деревьям? А некоторые служили домами другим горожанам. Иногда Тибальду было довольно сложно понять – что перед ним: дом, несколько домов или просто компания граждан Форстии вышла на прогулку, ведь видел он кустик коричневых растений, переплетенных странным образом и растущих из камней.

Каждый город обычно гордился своим рынком. Рынок представлял собой рощицу среди поляны, ведь он был излюбленным местом прогулок дубелей и ниязов. Город получал свое название от товара, которым славился такой рынок. На рынке Города Процветания самым ходким товаром были цветы, а рынок Города Чудес – столицы Форстии – был известен своими магами. Были еще Города Цветения, Города Перемен, Города Крепости, Города Крылатов и Города Деревьев.

Тибальд добрался до Города Процветания лишь вечером. Ночевал он в таверне «У палочки». Большой ясень был превращен в этакую волшебную палочку, глядящую в небо. В

этом дереве и располагалась таверна.

Сказочные создания вокруг тарасились на гнома: ведь это небывальщина, чтобы гномы разгуливали вот так запросто по поверхности: всем было известно, что гномы живут под землей и никогда не выходят наружу и, более того, гномы даже не догадываются о существовании другого мира. Поэтому все хотели потрогать Тибальда, поговорить с ним и удостовериться, что он – действительно живой гном, а не обман.

Вначале такой интерес льстил Тибальду: приятно быть объектом всеобщего внимания, но потом оно стало раздражать, ведь все вокруг относились к нему, как к большой игрушке, как к экспонату музея, а не живому существу.

Когда гном уже покидал таверну, несколько гоблинов, сидящих в углу за круглым столом, заметили гостя. Гоблины – довольно грубые и невоспитанные, но, в общем-то, добродушные увальни. Они обычно проживают в местах, где мало зелени, в горах, пещерах, но иногда забредают довольно далеко в поисках развлечений. Поэтому-то, их все и прозвали забродами. Частенько, гоблинов можно увидеть в самых разнообразных местах: в особенности в больших городах, на ярмарках, в тавернах и так далее. Где видишь большое торжество, там жди гоблина, который, конечно же, это веселье обязательно испортит не по злобе, а так, из простоты душевной.

Гоблины, как по команде, повернули головы в сторону Ти-

бальда.

– Гном, – воскликнул один из них.

– Неужели? – повторил другой, бесцеремонно подскочив к Тибальду и схватив его в охапку.

– Слушайте, а он настоящий! – восхитился первый. Он ощупал Тибальда со всех сторон, чуть не придушив его при этом, и бросил другим гоблинам. О, это была прекрасная забава! Они его пихали, перекидывали друг дружке, хлопали своими громадными ручищами. Абсолютно ошарашенный таким теплым приемом, Тибальд кричал и просил их быть поосторожнее: ведь он живой, ведь они его могут раздавить. Но его тихий голос терялся в реве луженых глоток завсегда-таев таверны. Наконец появился хозяин и, увидев, что гоблины вытворяют с его постояльцем, решил помочь.

– Эль, – прокричал он.

Заброды сразу же забыли о Тибальде и ринулись за элем, что позволило ему быстро ретироваться из таверны. После этого случая он стал очень осторожен. Перестав заходить в таверны, гном спал только под открытым небом, обходил стороной города, особенно рынки и таверны, оглядываясь все время вокруг в поисках опасности.

Про себя Тибальд думал:

– Потерпи, дружище, еще немного. Скоро ты доберешься до Фэйри-Града, там живут Создания Света, они мудры, добры и счастливы. Ты будешь одним из них!

Мало-помалу, лес, по которому он шел, редел и становил-

ся все менее людным. Все чаще встречались большие нетронутые поляны. Наконец Тибальд вышел из леса и зашагал по степи. Безлюдные места больше не оглашал гомон птиц, шум ярмарок, шелест деревьев. Тибальд остался один. Ни одной живой души не было на многие мили вокруг. Вокруг простиралась степь.

День клонился к вечеру. Тибальд шел вперед, наслаждаясь запахами. Вдруг он услышал гул: тихий, тихий...

– Просто почудилось, – решил гном и зашагал дальше.

И опять тихий звук заставил его вздрогнуть.

– Наверное, это все мои фантазии. Надо думать о чем-то приятном, а то мои страхи сожрут меня живьем!

Гул стал слышнее. Звук больше не исчезал, все усиливаясь и усиливаясь.

– Неужели Гулот?!

Тибальд вспомнил рассказ Масофага об ужасах Степной Пустоты. В Степной Пустоте водились отвратительные чудовища, описать которых невозможно. Одним из них был Гулот. Перед появлением этого чудища земля рождала тихий гул, который усиливался со временем: это Гулот следовал за незадачливым путником. Преследование могло продолжаться довольно долго. Гулот подстерегал свою добычу.

Сила Гулота была в гуле. Земля вибрировала, давила на уши и на сознание добычи, а Гулот ждал. Добыча все больше и больше пугалась, закрывала уши руками, но и это не

помогало, ужасающий гул окружал ее, проникал в нее, двигался вместе с ней. Жертва ощущала себя частью этого гула, самим гулом – она хотела, чтобы гул прекратился, но как же он мог прекратиться, если жертва сама растворилась в нем!

В конце концов жертва сливалась с гулом и безрассудно желала воссоединиться с Гулотом, как часть целого мечтает воссоединиться с целым. Она искала Гулота, мечтая, чтобы чудовище поглотило ее. Но Гулот ждал, он мучил жертву и ждал... Так могло продолжаться достаточно долго... дни, недели. Наконец Гулот начинал пожирать жертву по кусочкам, оставляя ее голову и сознание на конец. А жертва все металась, пока ее голова не оказывалась в желудке Гулота ...

Тибальд похолодел.

– Не для того боги подземного царства освободили меня, чтобы умереть такой позорной смертью, – твердо проговорил он.

Гном решил действовать быстро и смело. Он снял свой рюкзак, вынул травы, настойки, заботливо приготовленные для него Масофагом, и начал готовить заклинанье. Очертив магический тринадцатигульник неправильной формы, Тибальд нараспев произносил слова заклятья медленно-медленно. Гул ослабел, что немного успокоило гнома. Он продолжал читать заклинанье слог за слогом, слово за словом – гул почти стих. Тибальд дочитал заклинание и ... заснул от монотонности.

Ему снились Масофаги, пожирающие Гулотов, Гулоты

пожиратели Весы, дубели, пожиратели медвянников, и все вместе катилось кубарем куда-то: то ли вниз, то ли вверх, а может, оно взрывалось? И над всем этим парила прозрачная капля, а в ней проносились крылатые существа, безразличные ко всему. Было очень страшно! Гулот проглотил других Гулотов, Весы и всех форстейцев. Потом он принялся за каплю, обвинил ее и исчез в ней.

– Фэйри-Град, – воскликнул Тибальд и побежал навстречу капле. Капля отлетела немного, и Тибальд бросился опять к ней. Страшная игра в догонялки продолжалась, а капля ухмылялась ужасной мордой Гулота. В голове пронеслось предостережение Масофага: «Не спать!! Не спать!!». Тибальд закричал и проснулся.

Его оглушил гул, идущий из-под земли. Видно, заклинание помогло, но сон все испортил. Спать было нельзя ни в коем случае! Масофаг предупреждал Тибальда о том, что, когда сражаешься с Гулотом, сон равносителен мучительной смерти. Гулот завладевает сознанием жертвы во время сна, потому что никакое существо не в состоянии управлять своими сновидениями. Гулот вселяется в сон и через сон покоряет свою жертву.

– Не думать о гуле, – пронеслось в голове Тибальда. Дрожащими руками он вставил в уши специальные затычки, которые не пропускали никаких звуков. Но было уже поздно. Он чувствовал, что гул звучит внутри него.

– Я тебя ненавижу, чудовище! Исчезни, исчадие степей, у

себя в норе, – крикнул Тибальд, но думал уже о другом. Он чувствовал, как все его существо стремится слиться с этим прекрасным гулом, как он в нем исчезнет, как гул прекрасен, и как будет прекрасно раствориться в нем! Земля выгнулась и превратилась сначала в огромную гору, а потом в неприступную крепость, из бойниц которой высовывалась осклабившаяся бородавчатая пасть, истекающая слюной, которая сливалась вниз ручьями. Из стен крепости тут и там вылезали огромные коричневые пузыри, которые росли, росли, росли, а потом лопались с утробным чавканьем, обдавая и обжигая Тибальда своим содержимым. Крепость – гора жила своей жизнью. Она дышала, то вздымаясь, то опускаясь, как дышит живое существо.

Окруженный вонючими испарениями, исходившими от горы и из ужасной пасти Гулота, Тибальд начал карабкаться по стене на вершину, неистово желая быть сожранным, но каждый раз падал с высоты, соскальзывая в потоках слюны, стекавшей сверху. То и дело из стен высовывались пики, ранившие Тибальда, откуда-то прилетели стервятники, клевавшие его и не дававшие ему подниматься. Слюны становилось все больше, и Тибальд начал тонуть в ней, но он каждый раз выныривал, и бросался вверх по движущимся стенам, невзирая на пики и на стервятников, на боль и на раны. Небо слилось с землей; коричневые полосы замелькали перед ним, и Тибальд потерял сознание.

Когда гном очнулся, все было тихо, солнце клонилось к

закату, Тибальд начал лихорадочно перебирать в голове воспоминания, но опять услышал гул и опять упал в обморок.

Придя в себя, он прислушался, гул стих. Голова была пуста, как чайник.

– Фэйри-Град – вспыхнуло в голове у гнома. – Он схватил свой выпотрошенный рюкзак и побрел на запад.

Тибальд брел и брел, удалившись за день на большое расстояние от логова Гулота. По счастью, он не встретил других чудищ, населяющих эти места: ни тихое облако, ни варгана, ни самого ужасного из всех созданий «Короля пустоты». Жаркое солнце сушило все более чахлые кустики, попадавшиеся по дороге. После встречи с Гулотом большая часть рюкзака Тибальда осталась в степях, и ни за какие пытки он бы не стал возвращаться и искать потерянное. Тибальд тратил оставшиеся запасы воды исключительно осторожно и бережно, но они подходили к концу. Заканчивалась и еда.

Ярко-желтый песок вздымался дюнами, и идти было очень сложно, ведь для маленького гнома немного песка – это уже холмик, а холмик песка – гора. Горячий ветер сдувал раскаленный песок, и он летел в лицо, забивался в нос, глаза, рот... Казалось, что ветер и самого Тибальда может поднять, раскрутить и бросить. Каждый раз при порыве ветра, горы – дюны шевелились и грозили завалить гнома песком. Сверху палило невыносимо жаркое солнце, а на небе не было ни облачка. Тибальд шел уже вторые сутки, а солнце все было

в зените, хотя, скорее всего, часы растянулись для гнома в дни. Опустевший рюкзак давил тяжелым грузом на плечи и пригибал к песку.

Наконец настал момент, когда последняя капля упала из фляги Тибальда на землю. Измученному гному грозила смерть.

– Или я найду Фэйри-Град сегодня, или погибну. Третьего не дано.

Он упал на выжженную землю, продолжая ползти, и вдруг увидел высоко в небе какое-то свечение. Несчастный гном не поверил своим глазам.

– Неужели это Фэйри-Град? Неужели передо мной то, к чему я стремился всю жизнь?!

Он поднялся и побежал, напрягая последние силы, спотыкаясь, уже явственно видя каплю росы, плавающую и колеблющуюся в воздухе и сказочные дворцы внутри нее. Видение было настолько реальным, что не оставалось сомнений: вот он, Фэйри-Град. Тибальд сделал последний рывок и... все исчезло. Обессиленный гном упал на землю. Он смог увидеть мечту своими глазами, но она его обманула – в ярко-синем небе царило только солнце, затмевавшее все вокруг. Вокруг Тибальда все плыло. Его затухающее сознание жаждало только одного:

– Воды, – шептал он, – воды! Дайте мне хоть каплю воды! Каплюууу!!

Внезапный хлопок оглушил Тибальда, и сразу за хлопком гном услышал:

– Тпррррууу! – Прямо перед Тибальдом дрожала взмыленная морда лошади.

– Ты чего раскричался?! Чего уселся посреди дороги, бес-толочь, вот я тебя! – Мужчина средних лет стеганул изможденного гнома нагайкой.

– Я тебя чуть не убил, бездельник, а ну пошел! И тройка лошадей припустила по дороге дальше.

– Наверное, у меня бред, – устало думал гном. Тягучие мысли медленно плелись одна за другой. – Конечно, пусть хоть в бреду у меня будет вода. Вот, напьюсь придуманной водой и умру.

Неподалеку послышалось журчание ручья, и Тибальд полпелся к воде. Долго он пил, пил, пил и не мог напиться. Сознание и силы медленно возвращались, и Тибальд огляделся. Нет, это не было похоже на бред. Все вокруг было четко, солнце скрылось за тучами, и с неба капал мелкий дождик.

– Это не бред, – сказал он сам себе. – Но что же тогда произошло?

– Лошади? Дорога? – Он действительно сидел у проселочной дороги, а несколько минут назад на него чуть не наехала телега с лошадьми.

– А где же пустыня? Где Фэйри-Град?

Гном оглядел себя. Он был весь в песке. Рядом валялся почти пустой рюкзак, в котором еще остался кусочек булки.

Тибальд решил, что кусочек и так слишком мал, чтобы делить, и съел его.

Он почувствовал себя гораздо лучше, у него ныло еще все тело, и голова трещала: прошедшее не могло не отразиться на нем.

Тибальд сел на обочину дороги и задумался:

– Что же это такое?! Я вышел из Форстии, прошел через степь, меня чуть не съел Гулот, – гном почесал затылок, – почему он меня не съел? А потом я брел по пустыне и увидел Фэйри-Град. Да, не мираж, а настоящий Фэйри-Град, я его отчетливо разглядел. Я побежал к нему, и вдруг он пропал. Пропал!! Что же произошло? И где я? Почему не в пустыне? И как мне найти потерянный Город?

Он долго размышлял над случившимся, но так ничего и не надумал.

– Надо пойти по дороге: быть может, она приведет меня к городу. А там я хотя бы узнаю, где очутился и решу, что делать дальше.

Глава шестая. В гостях у сетов

– Здравствуй, странничек, куда путь держишь, давай подвезу, – услышал Тибальд веселый голос.

С ним поравнялась телега, нагруженная жбанами с молоком.

– Я иду к городу, – ответил Тибальд.

– Садись ко мне в телегу, – вдвоем веселее, – кстати, меня зовут Валах.

– А меня Тибальд, – ответил гном и забрался в телегу.

– Что-то вид у тебя больно нездоровый. Хилый ты какой-то. Что с тобой случилось-приключилось? – поинтересовался Валах.

– Да так, устал, много работал.

– Так не работают. Ты же на ногах не держишься! Дунет ветер, и унесет тебя! – Валах и не предполагал, как близко он был к правде всего час назад, – Да и маленький ты какой-то: сморчок, а не человек. Мало ты каши кушаешь!

– А я не человек, а гном.

– Кто-кто? Это имя такое, что ли?

– Нет, не имя.

– Ну, значит, прозвище. Хочешь, величать буду Тибальдом, а хочешь – Гномом. Мне все равно, главное, чтобы тебе нравилось.

Мало-помалу, они познакомились поближе. Валах жил в

королевстве Сетия, где правил мудрый король Сет, и народ не ведал ни о гномах, ни о гоблинах, ни о других сказочных созданиях. Неожиданный попутчик, как вы уже поняли, был человеком, мирно жил среди людей и занимался тем, что развозил молоко и был вполне доволен своей жизнью. Тибальд рассказал ему свою историю. Гному пришлось много объяснять Валаху, так как молочник и слыхом не слыхивал ни о магии, ни о других странах. Он всегда полагал, что это – сказки, рассказываемые детям на ночь, но сам факт того, что он видел гнома, убеждал Валаха в обратном.

– Я – человек практичный, – говаривал он. – Утром встаю, жена моя Томна задает корма скотине – корове нашей. Корова у нас хорошая, красивая, пять годков минуло ей. Уже и отелилась в прошлом -то годе. Телята вышли один в один на загляденье. Корова-то много молока дает – у Томны моей аж руки устают доить ее. Потом она готовит мне похлебку, супу дает, каши дает. Каши-то она умеет делать вкусные, с маслом. Рассыпчатые каши. Я всегда смотрю – наглядеться не могу, какая у меня Томна стряпуха-кудесница!

Нннно, родимая! Да, так о чем это я? Да, о жене моей. Красивая она, да и работающая, чего еще мужику надо?! Ты кушай яблоко: красивое, хорошее, наливное. А я, как поем, целую Томну, наливаю молоко в жбаны, да на базар еду продавать: наша коровка-то много молока дает.

Ннннооо, родимая! Едем мы с нашей лошадкой на базар, да проезжаем странные места, много там разбойников водит-

ся, только и хотят, что ограбить, да мы с лошадкой не даем. Лошадка у меня умная, красивая, хорошая, боится только плохих людей. Приезжаем мы на базар, пристегиваю я свою кормилицу и иду со жбанами молоко продавать. У меня с начальником рынка договор есть: я ему, его семье и деткам молочко даю бесплатно – оно у нас свежее, здоровое, вкусное, прямо из-под коровки, – а он мне место хорошее на базаре. Неужели хорошие люди не договорятся?! И вот, стою я на месте этом хорошем под навесом. У некоторых навеса нет, они изнемогают от солнца. Жажда у них, пить хотят. Вот и идут ко мне и просят: «Валах, дорогой, дай попить!». А я человек добрый, пить даю и денег не беру. А я стою в прохладе, под навесом. Навес-то красивый, расшитый узорами всякими. Вот так. А молоко я продаю-то недорого, по теху – бутылочка. Добрые люди хвалят молоко-то – нахвалиться не могут, вкусное, свежее, сладкое, прохладное, жажду утоляет и силы дает. А я говорю людям: «Вам приятно и Валаху приятно!»

А детям я молоко бесплатно даю. Смотрю, дитя бежит, щеки красные, добрые, веселый малыш. Ну, как с такого деньги возьмешь? Он же маленький, зла не знает, ангелок, одним словом. Как же с такого деньги брать?! Стыдно! Тут некоторые люди смекнули, подсылают своих детей, чтобы они у меня молоко брали, а я что, мне не жалко!

– Но ведь хорошие люди сами приходят, а плохим молоко бесплатно достается! Это несправедливо! – заметил Ти-

бальд.

– Ты не понимаешь, это же дети, они такие хорошие. Вот, Кромка – озорник, а Тронка – послушный, но оба умеют подольститься ко мне, как же таким не дать?! Эх, ничего-то ты не понимаешь! Да, так о чем это я? Вот, стою я так на базаре и молоко продаю, а люди разные там ходят. Кто богатые, а кто и победнее, кто нарядно одет, а кто и не очень, у кого одежда как у принца или Сета какого, а у кого ветер в дырах свищет.

– Ну, дальше, – торопил Тибальд.

– Ты погоди, не торопи. Торопливый ты больно! Так вот, люди разные бывают. Хорошие бывают, плохие бывают. Вот, наемни ко мне один пришел, взял целый жбан молока, заболтался со мной, а расплатиться не пожелал. А одет-то нарядно, как принц какой! Ну, я ему и задал трепака! Подумает он еще, прежде чем у Валаха молоко воровать.

– А у меня другая жизнь! Я по миру брожу, Фэйри-Град ищу!

– Фэйри-что? Мудреное какое слово, ишь! Вот, не терпится тебе искать не пойми чего. Ты бы лучше поселился у нас, животину какую купил, обженился бы, хозяйство бы завел. А то, понимаешь ты, мне товарищ нужен, верный товарищ, хороший!

– Но ведь на свете много есть интересного кроме молока! Вот смотри!

И Тибальд провел рукой над одним из жбанов. Ничего не

вышло.

– Странно, – подумал Тибальд, – у меня этот простой фокус всегда получался, или это Валах заговорил меня! Он сосредоточился, зажмурился и повторил пасс рукой, жбан зазвенел. Валах остановил лошадь и неторопливо подошел к жбану. Он был пуст.

– Что же это такое делается? Где же мое молоко?! – запричитал молочник.

– Это я сделал так, чтобы оно исчезло, – улыбнулся Тибальд.

– Да как же я теперь жене в глаза посмотрю? Без молока-то? Она ведь спросит с меня деньги за весь проданный товар, а я что скажу? А ну-ка, разбойник, возвращай мое добро, – прикрикнул он на Тибальда.

– Сейчас, сейчас, – ответил испуганный гном. Он провел рукой, и молоко вернулось на место.

– Вот, хорошо! И не повторяй своих штук больше!

– Но пойми, Валах, я же сделал так, что молоко исчезло, просто взмахнув рукой!!

– Нечего мне, размахался тут, вор паршивый! Тпру, родимая! – и Валах насупился, обидевшись.

Так они ехали еще некоторое время. Вдруг крестьянина осенило:

– Милый, а ты можешь так сделать, чтобы в пустом жбане молоко появилось?

– Да, я же именно это и сделал только что, а что тут такого?

– Как что, да ведь мы можем стать богатыми как сам принц или Сет, продавая молоко!! Обоснуйся у меня, купи себе животинку какую – лошадь там или, хотя бы, ослика. Купим жбаны и будем продавать молоко! Разбогатеешь, женишься! Много красивых девок за тебя пойдут, даром, что ты невелик ростом-то!

– Да пойми же, Валах, это называется чудо, магия, вот смотри, – он налил себе в ладонь молока, зажмурился и произнес заклинание.

– Чего это ты там бормочешь-то, негоже хорошему человеку бормотать себе под нос – расскажи и мне, что ты там задумал.

Тибальд поглядел себе на ладонь: молоко медленно вытекало меж пальцев.

– Не мешай, – сказал он Валаху и зажмурился опять.

– Осторожно, – услышал он окрик Валаха, ты себе руку ошпаришь!

И действительно, молоко в руке Тибальда забулькало и подернулось пенкой.

– Смотри, видишь, у меня молоко в руке кипит, но руку мне не обжигает!

– И действительно, – подивился Валах, – экие странные штучки придумывают некоторые бездельники вместо того, чтобы работать. Чудно! Да, так как тебе мое предложение?

– Я подумаю, – отозвался гном.

Всю дорогу до дома Валах был возбужден и расписывал

Тибальду преимущества их нового предприятия, пытаюсь заручиться поддержкой гнома, а Тибальд молчал, стараясь понять, что же произошло, в каком направлении теперь искать Дорфию, Форстию, и суждено ли ему когда-либо попасть в самый прекрасный город на земле.

Они приехали к дому Валаха затемно. Томна вышла встречать своего мужа, но, увидев Тибальда, запричитала:

– Ой же горе мое горе! Кого же, ты, муженек мне привез? Да он же на ладан дышит! Да ведь что же это делается!

– А ты, жена, не реви! Потому и привез гостя, что помочь ему надо – накорми его, напои, да спать уложи. Вынимай самое вкусное и ставь на стол. Каши ставь, сыр ставь, котлеты ставь, молочка парного из-под коровки, да колбаску, да курочку!

У Тибальда не было сил возражать. Его мучил голод.

– Валах, да у него же жар! Ему чаю надо горячего да бульончика. Ой же ой! И Томна, причитая, заторопилась в дом.

А крестьянин, взяв гнома в руки, как младенца, понес на кровать и укрыл одеялом.

– Извини, друг, не Сеты мы, перин не держим, но поможем тебе – завтра будешь здоров, как огурчик! Вот Томна побежала за лечебными травками. Томна знает много травок: и вереницу, и бальзамицу, и леченицу. Все знает. Вот съешь травок, и полегчает!

Но Тибальд уже не слушал Валаха – он крепко спал.

Прошел не день и не два, а месяц, и гном выздоровел. Силы вернулись к нему.

Жил Тибальд в прочной избе, еды всегда было в достатке. Валах и Томна полюбили гостя. Детей у них не было, и крестьяне относились к гному, как к своему сыну. Томна его все время норовила накормить и жалела, а Тибальд, как мог, помогал им по хозяйству. Он смастерил кормушку для лошадей, в которой овес всегда оставался свежим, и магический охладитель для молока. В этом охладителе молоко долго стояло и не портилось. Гном познакомился и с соседями. Когда время от времени он пускался в рассказы о Дорфии и Сетии, крестьяне с интересом слушали, но на лицах у них было написано «Ишь, какой странный! Ничего, поживет и успокоится, перестанет глупить, хозяйство заведет...» Ну и так далее. Признаться, гному это стало наедать. Прошло еще несколько дней, и он начал задумываться о том, что делать дальше.

Тибальд ни на минуту не забывал о несчастных гномах, оставшихся в Дорфии. Но как помочь им, он не знал. Тибальд поделился с Валахом своими мыслями, но крестьянин не мог представить себе гномье царство. Он был добрым человеком, и, наверное, если бы оказался в Дорфии, помог бы, но пока Валах жил в Сетии, все, что его занимало – это он сам, Томна, его хозяйство и, конечно же, его гость.

– Экая небылица – Дорфия, – повторял он, – занимаются ерундой какой-то. Я бы на такие сокровища целые хоромы

купил и зажил бы припеваючи.

– Сокровища – не у тебя, а – в Пещерах Сокровищ, и ты мало что можешь на них купить, разве что, свою жизнь.

– Как не могу? Есть сокровища, и не могу. Пойду я на базар и куплю себе целое поместье!

– У нас нет базаров.

– Как нет? А где вы торгуете?

– Гномы не торгуют.

– Странные вещи ты говоришь, не торгуете. Не может быть такого! А как гномы корову покупают, лошадь покупают? Как еду покупают?

Эти разговоры повторялись снова и снова, и наконец Тибальд решил сам искать Дорфию. Обшарив все близлежащие овраги, он, конечно же, ничего не нашел.

Но надежда не покидала Тибальда.

– Где я могу отыскать дорогу в гномье царство, – спрашивал он себя. И сам же отвечал: – Наверняка, в Фэйри-Граде об этом знают! У меня нет другого пути, надо искать Фэйри-Град.

На самом деле, гном обманывал сам себя, ведь таинственный и загадочный Фэйри-Град стал его навязчивым видением. Тибальд видел его во сне и наяву, не было мгновенья, чтобы гном не мечтал о Фэйри-Граде. Он расспрашивал всех в деревне о том, где же находится Фэйри-Град, но жители Сетии никогда даже не слышали такого замысловатого слова. Хотя все ему были рады помочь, увы – никто не знал ответа.

Валах всеми силами пытался уговорить гнома остаться, расписывая все новые и новые проекты, а Тибальд раздумывал:

– Предположим, я останусь, научу этих людей магии – ох и трудно это будет, – женюсь, как того хочет Валах (найдут уж мне кого-нибудь поменьше), и буду жить в почете и уважении... Нет, мне нужно другое! Сетия – такая же тюрьма, как и Дорфия! Я должен, должен найти Фэйри-Град!!!

Как-то, Тибальд болтал с Валахом о Сетии.

– Валах, ты все время упоминаешь Сета. Кто это?

– Сет-то, да это наш правитель. Умный он очень и богатый тоже.

– А народ его любит?

– Да как же, любит, конечно. Почему не любить? Живем мы все мирно, спокойно при нем. Я тебе по секрету расскажу, что говорят давным-давно не спокойно здесь было: войны были, болезни были. А как стали править Сеты – все спокойно. Люди работают и живут мирно. Вот только разбойники промышляют на дорогах, но Сет обещал им всыпать по первое число.

– А много у вас разбойников?

– Да не то, чтобы много! Вон, год назад, у Феньки нашего шапку украли разбойники эти. А лет пять назад у Веньки, представляешь, лапоть увели!

– Один лапоть? – улыбнулся гном.

– А ты не смейся, веселый очень, – надулся Валах. – Как без лаптя жить прикажешь?

– Конечно, конечно, – быстро поправился гном.

– Так как тебе идея моя?

– Знаешь, Валах, извини, но я все же хочу поискать Фэйри-Град. Не смог бы ты мне помочь?

– Ладно, – расстроился Валах, – насильно мил не будешь! А не спросить ли тебе у самого Сета? Он очень умный, все знает. Я думаю, он тебе поможет.

– Ты так думаешь?

– Да и не сомневайся! Если он от врагов нас охраняет, то тебе уж точно поможет с Фэйри – не пойми, чем твоим!

– А как у него спросить?

– Давай поедем в столицу, да и спросим там!

Так они и сделали. Валах довез Тибальда до столицы, и там, у ворот они спросили стражников, как встретиться с Сетом.

Начальник стражников оглядев Тибальда с ног до головы и ушел, оставив их в постоялом дворе «У Ворот».

Вернувшись, он доложил, что король Сет очень заинтересовался гномом и готов дать ему аудиенцию.

Тибальд распростился с Валахом. Он взял шапку в руки, понурил голову, выдохнул: «Эх!» и поехал восвояси, а Тибальд погрузился в мечты.

Резиденция короля Сета, слывшего большим мудрецом и владельцем самой большой библиотеки в Сетии, находилась в столице – главном городе государства. Он так и называл-

ся «Главный». Главный был очень красив и величественен. Многочисленные купола соборов украшали город. Множество живописных замков восхищали путешественников со всех концов Сетии. Замки были построены на совесть – они не взмывали в небо, нет, они были крепкие, приземистые, с большим количеством углов. Было ясно видно, что в Сетии нет места полету фантазии и прочей чепухе. Все было выполнено на совесть, простояло века и могло простоять еще тысячелетия. Нет, Главный был не мрачен, но тверд и стабилен. Город окружала высокая железная толстая стена – даже мышшь бы не проскользнула сквозь нее без разрешения. Солдаты, охранники стен, стража у замка смотрели дружелюбно, но твердо. Все здесь дышало спокойствием, строгостью и величием. Это был древний город, гордившийся своей великолепной архитектурой.

Правила здесь династия Сетов. Главный город был основан в незапамятные времена легендарным королем Сетом Святым. С тех пор, короли были ограничены жестким законом: у каждого монарха должно было рождаться не больше одного наследника, причем наследником мог стать мальчик или девочка. По достижении восемнадцати лет этот наследник или наследница становились королем или королевой. Исключений из этого правила не было. После того, как был рожден первый наследник, все остальные считались незаконнорожденными. Их отправляли в интернаты и обращались с ними как с сиротами, причем монарх не знал больше ничего

о них и не имел права наводить справки. Королевские медики изобрели специальное зелье против бесплодия. Так что, любой монарх производил престолонаследника. Короли Сеты уважали и гордились своим законом. Он уничтожал распри и делал их династию вечной.

Сеты были справедливы и мудры. По достижении восемнадцатилетия юный Сет заходил в священную комнату, где ему открывались великие тайны. Никто, кроме самих Сетов – правителей, даже не догадывался, о чем будущие короли узнавали в таинственных комнатах, но факт оставался фактом: Сеты считались мудрыми, очень мудрыми и справедливыми правителями.

Так вот, аудиенции именно с таким правителем удостоился Тибальд. Накануне придворные ткачи сшили ему черный колпак и белые сапожки. Утром гном стоял перед входом во дворец.

Дворец больше всего походил на высокий конус. Идеально круглый у основания, он превращался в точку наверху. Металлически серые стены блестели на солнце. Строго прямоугольный вход в замок был, конечно же, гораздо выше Тибальда. Многочисленные двери открывались перед ним, прямоугольные темно-серые залы не оставляли простора фантазии. Привратники склоняли головы, приветствуя Тибальда, но все поклоны были одинаковыми. Тибальд шел по бесконечной анфиладе залов. Наконец он достиг строгой прямоугольной двери без украшений, выкрашенной в зеленый

цвет. Слуги открыли ее, и Тибальд вошел в Тронный Зал.

Тронный зал немного отличался от всех остальных залов – он был желтым цилиндром. Строго в центре этого цилиндра возвышался цилиндрический трон, на котором восседал сам Сет. На Сете бы одет строгий костюм черного цвета. Его голову украшала однотонно красная корона в виде идеального кольца.

– Входите, уважаемый гость, – сказал Сет дружелюбно, – какое на Вас впечатление произвел наш город?

– Спасибо, город величественен и красив, – произнес Тибальд искренне.

– Я рад, что Вам понравилось. Но удивительно все же слышать это от гнома.! Ведь у нас нет ни бриллиантов, ни изумрудов, словом, всего того, что цените вы.

– Я поэтому и убежал из Дорфии, что не мог больше видеть сокровищ: я искал Солнце, небо и – тут он запнулся – Фэйри-Град.

– Фэйри-Град, – промолвил Сет медленно, и вдруг его голос изменился: он стал грустным и мечтательным, – зачем тебе Фэйри-Град?

– Это самое чудесное место на всем свете! – пылко воскликнул гном. – Жить там – мечта каждого существа!

– Кроме самих граждан чудесного города: для них мечта сбылась, и у них уже другие мечты.

Тибальд промолчал.

– Ты уверен, что хочешь найти Фэйри-Град? Посмотри во-

круг себя. Ты живешь в спокойной, тихой, милой стране, ты мог бы научить людей, живущих здесь, магии, научить их добывать золото и сокровища, ты бы был полезен, и ты был бы счастлив!

– Уговаривает, – подумал Тибальд, – хочет заполучить меня. Не бывать тому!

– Ваше Величество, я бы хотел увидеть и найти Фэйри-Град! Не могли бы вы подсказать мне, где он находится?! – громко и упрямо проговорил Тибальд.

Голос Сета изменился. Он стал жесток.

– Берегись Тибальд! Путь, по которому ты идешь – страшный путь! Ты не ведаешь всего того, что тебя ожидает! И я не вправе приоткрыть тебе завесу этой тайны, я только могу сказать – берегись!

Тут на гнома что-то нашло. Его желание попасть в Фэйри-Град настолько овладело им, что он яростно выпалил:

– Где вам всем, ползающим в пыли, понять величие высших существ, существ света. Ваша судьба проста и невзрачна. Вы не видите ничего дальше собственного носа: корова, лошадь, молоко, драгоценности, руда, квадраты, круги – вот и весь ваш мир.

Тут гном осекся осознав, что он наделал. Он стоял в кругу света, озираясь и лепетал: «Простите, Ваше Величество, я не знаю, что на меня напало!».

– Хорошо, – сухо ответил Сет, – я знаю ответ на твой вопрос, и ты получишь его, но не от меня. Иди и ищи Фа-

ту-Моргану! Аудиенция закончена!

– Но где же я ее найду? И чем она мне поможет? – попытался было робко спросить Тибальд, но его уже никто не слушал. Дверь с другой стороны зала открылась, и ему пришлось несолоно хлебавши удалиться. И уже уходя, Тибальд вспомнил, что мог бы спросить дорогу в Дорфию, но не сделал этого. На этот раз пылкая натура гнома сослужила ему дурную службу.

Глава седьмая, в которой Тибальд встречается с Повелительницей Иллюзий

Вернувшись на постоянный двор, Тибальд крепко задумался.

– Я до того одержим этим Фэйри-Градом, что даже не чувствую с кем говорю. Ведь Сет – король. Он мог меня заключить в темницу или казнить, но не сделал этого. Видно, он гораздо умнее меня. Да, король что-то знает, но молчит. Хм... А что Сет говорил о Фате-Моргане? Фата-Моргана, что я слышал о ней?

Он порылся у себя в памяти.

– Фата-Моргана... Да что же это такое?

И тут он вспомнил, что Форстией управляла некая таинственная сила, которую называли Фатой-Морганой. Кусочки начинали складываться в единую картину. Итак, Фэйри-Град находится неподалеку от дальних границ Форстии за степной пустотой прямо в пустыне. С другой стороны, Фэйри-Град был связан каким-то загадочным образом с Фатой-Морганой, которая была по легендам силой, управлявшей Форстией. Что же дальше? Остается только найти эту самую Фату-Моргану, которая, наверное, является ключом к той тайне, над которой уже давно и безуспешно бьется Ти-

бальд! Вопрос только в том, где ее искать? Из Пустыни Тибальд был перенесен каким-то непонятным образом в Сетию, а сейчас он не понимает ни где находится даже Форстия, ни, тем более, Фэйри-Град.

– Что же мне делать? – ломал себе голову Тибальд, – может, пойти еще раз к Сету? Да нет, меня вышвырнут вон, лишь только я появлюсь перед воротами его дворца, видно, он сильно разгневан! Но все же, если он мне велел искать Фату-Моргану, значит он, по-видимому, думает, что я могу ее найти. Это здорово!

Так, Тибальд не заметил, как заснул. Во сне он опять увидел Фэйри-Град, Масофага, Гулота, Ваку, видения сменяли друг друга с непередаваемой быстротой, наслаивались друг на друга и догоняли друг друга. Тибальд проснулся в холодном поту дрожа всем телом. Взяв себя в руки и успокоившись, он опять задумался. Так он и сидел, не выходя из своей комнаты много часов, размышляя и так, и эдак, пытаясь сложить кусочки гигантской головоломки воедино, но картина не прорисовывалась.

– Ладно, – подумал Тибальд, – чем сидеть и терять время, пушусь-ка я куда глаза глядят на поиски Фаты-Морганы, или Фэйри-Града, или того и другого.

Есть вещи, которые нигде и никогда не меняются. И одна из таких вещей – постоянный двор. Постоянный двор в Главном был похож на все другие постоянные дворы. Лошади ждали седоков в конюшне, а собаки лаяли на встречных. Ти-

бальд жил на верхнем этаже старого дома и рассматривал подводы и телеги с приезжающими и уезжающими постояльцами.

– И мне пора пускаться в путь, – решил он.

Тибальд не знал куда ехать и что искать. Поэтому, расплатившись с хозяином частью денег, заработанных с Валахом, когда они вместе продавали молоко, он просто пошел куда глаза глядят. Когда он набрел на большую площадь, гном понял, что ему будут нужны деньги в дороге. Поэтому он закричал, созывая сетов на представление. Сеты, никогда не видевшие гнома, охотно собирались, и вот Тибальда окружило кольцо людей.

– Вы слышали когда-нибудь о магии? – громко спросил Тибальд.

– У нас, итак, дел невпроворот, – отозвался кто-то, но на него все зашипели. Никто не хотел спугнуть заграничного артиста.

И вот, Тибальд начал творить чудеса. Он начал с простого чуда, похожего на то, которое он недавно показал Валаху: попытался переместить вино из бокала в другой бокал, но... у него ничего не вышло. Из толпы послышались смешки. Тогда он попытался заставить плясать куклу, которую ему передала какая-то девочка. Кукла смешно задрыгала ногами и руками, но вставать не собиралась. Наконец гном решил проделать чудо, которое у него всегда получалось: он взял кусочек камня и задумал поменять его цвет так, чтобы он

стал золотым. Камень немного посветлел, но дальше дело не пошло. Зрители откровенно смялись, а гном, смущенный и красный, растворился в толпе.

– Какой Фэйри-Град! – повторял он сам себе. – Ты даже в уличные фокусники не годишься!

Желая поскорее скрыться от позора, Тибальд побежал куда глаза глядят и даже не заметил, как покинул город.

Остановившись гном обнаружил, что он находится на дороге, выходящей из Главного. Сверившись с картой Сетии, полученной во дворце, он решил, что надо идти к ее границе. В самой стране, где и слыхом не слыхивали о волшебстве и чудесах, похоже, гнома ничего не ждало – не было надежды встретить Фату-Моргану и уж, тем более, найти Фэйри-Град.

– Может, в другом государстве мне помогут, – рассуждал Тибальд. Заодно он надеялся, что к нему вернется его талант к магии. Сетия была настолько обыденной, что даже магия здесь не работала. Похоже, страна была заколдована против колдовства, как бы странно это не звучало. Однако, на карте Тибальда никаких пограничных стран нарисовано не было.

Поэтому немного поразмыслив, гном направился напрямик в Глупино, ведь оттуда до границы было рукой подать. Затянув покрепче пояс, он зашагал на запад, предлагая сетам помощь в дойке коров (этому он научился у Томны) и сенокосе за ночлег и краюху хлеба. Селения, которые встречались Тибальду, сказочными не были, там жили обычные люди, не умеющие колдовать, предсказывать и варить маги-

ческие зелья. Все они очень удивлялись, едва завидев самого настоящего гнома. И никто, совсем никто, ничего не слышал о Фате-Моргане. Так шагал он несколько дней. Одежка его истрепалась, да и сам он устал смертельно, но ничего, ровно ничего не узнал ни о Фате Моргане, ни о Фэйри-Граде.

Дорога, по которой он шел, уходила на юг в Чудачино, а это удлиняло его путь к границе. Поэтому Тибальд, решив, что до Глупино уже не далеко, сошел с дороги и продолжил шагать на запад. По правую руку его высились горы, завывал холодный ветер, лил дождь, так что Тибальд решил найти уютное местечко и переночевать. Он повернул на север в поисках какой-нибудь пещерки. Сам не замечая, он забрался довольно высоко. Рядом никого не было, лишь горный ручей одиноко журчал поблизости. А вокруг громоздились скалы, одна на другой. Хорошо рассмотреть окрестности в темноте было невозможно, да и не было у уставшего путника желания.

– Жутковатое место, – подумал Тибальд, – но лучшего я не нашел, – зато ручей – это явно ручей на карте Сетии, а значит, уже не далеко. Не горюй! – сказал он сам себе. – Доберемся до Глупино, а там и до границы рукой подать! Может, я наконец встречу таинственную Фату-Моргану. А может, попаду прямиком в Дорфию.

Наконец гном отыскал небольшую сухую пещеру. Забравшись в нее, Тибальд закутался в плащ и стал засыпать. Но сон все не шел.

– Что же мне напоминает эта пещера? – думал он. Ответ пришел неожиданно: – Да это же моя коморка под землей!

И действительно, пещерка очень походила на его комнатку в Спальной Пещере. Сходство завершала черная непроглядная ночь и ручей, журчащий неподалеку. Вспомнив Дорфию, он содрогнулся, но мыслям не прикажешь, и вот, перед его мысленным взором возникла Пещера Взвешивания, Мангинх и Мадор.

– Что сейчас делают мои братья – гномы? – спросил сам себя Тибальд. – Где сейчас Вака? Жалко, что я их бросил, так и не сказав ни единого слова! – И тут гном содрогнулся. Ведь после того, как он покинул Дорфию, гнев Весов скорее всего пал на его друзей и, в первую очередь, на Ваку.

– Пещеры... – думал он, – пещеры часто ведут глубоко под землю, и, быть может, если долго идти, я достигну Дорфии. А вот и темное отверстие. Надо попробовать. Нельзя упускать этот случай! Тибальд встал, зажег свечу, приготовленную заранее, и уже было хотел протиснуться в дыру, но тут вспомнил, что надвигается ночь, а он за день устал.

– Утром двинусь дальше, – пробормотал он засыпая.

Когда гном проснулся, солнце уже ярко светило. Захватив свой рюкзак, он вышел из пещеры и, увидел ... то, что он так долго искал.

Тибальд не сомневался ни минутки, что перед ним замок именно Фаты-Морганы – повелительницы иллюзий. То,

что он в темноте принял за горы, на самом деле, оказалось башнями этого сооружения, а ручей – гигантским фонтаном, бившим из центральной башни вниз и стекавшим ливнями на землю. Ничего прекраснее никогда не существовало на свете, хотя невозможно было определить, на что этот замок был похож. Дворец Фаты-Морганы – сумасшедшая иллюзия, одновременно громадная и маленькая, матовая и прозрачная, расплывчатая и в то же время абсолютно четкая – не имела границ. Дворец плавно перетекал в окружающий мир. Тибальд не смог бы описать замок и не только потому, что ему не хватило бы слов, а просто потому, что он ни на что не был похож. Более того, замок все время изменялся, все время двигался так, что каждое следующее мгновение отличалось от предыдущего.

Временами казалось, что башни серые, как камень, а порой, что они красные, и вот перед глазами уже не замок, а пламя, ярко красное пламя, пожирающее, но не сжигающее прозрачные струи. А взглянешь еще – и огонь превращается в сверкающий кристалл, кристалл медленно становится слепяще-белой гигантской снежинкой, а снежинка медленно тает, перетекая в воду. Вода светлела, желтела и становилась солнцем, из которого вырывался синий протуберанец. Именно таким был замок великой феи – замок миражей.

Вход очень отдаленно напоминал гигантское зеркало. В этом зеркале отражалось все, что Тибальд видел или пережил когда-то в жизни: Дорфию, Форстию и Сетию. Когда

он сосредоточился на Дорфии и зеркало явило его каморку, гном задумался, а тем временем картины сменяли одна другую; и вот перед ним уже Дромия, Масофаг, крылаты и хвостуны. Прошло несколько минут, и вот уже он шагает по степям. Наконец из глубин зеркала вынырнул Гулот, Тибальд вскрикнул, и зеркало опять помутнело. Ошарашенный гном пришел в себя – зеркало было зыбким входом в мир иллюзий: каждому гостю оно являло свою неповторимую историю.

Тибальд вспомнил легенды, которые ходили о Фате-Моргане. О ней знали только то, что она – повелительница иллюзий. Фатой-Морганой называли не то волшебницу, не то богиню, не то силу природы.

Мудрецы говаривали, что тот, кто двинется за Фатой-Морганой, получит ответ на любой мучивший его вопрос и исполнение всех своих желаний, но цена, которую потребует Владычица, повергнет в уныние и вечно радостных созданий света. Множество несчастных, обманутых надеждой исполнить свои самые сокровенные желания, не вернулись из хрустальных призрачных краев, околдованные повелительницей иллюзий.

Но храбрый Тибальд не боялся опасностей и препятствий, Фэйри-Град был единственной его целью, а Фата-Моргана – лишь промежуточной остановкой, возможностью достигнуть этой цели. Поэтому, недолго думая, Тибальд смело шагнул прямо в зеркало и... ничего не произошло. Видение ви-

село в воздухе, слегка колыхаясь, как туман, как мираж. Но Тибальд ощущал то ли душой, то ли неким пятым чувством, что перед ним не мираж, а реальный дворец Великой Владычицы. Он пытался проникнуть в него и так и эдак, но ничего не происходило.

Солнце катилось за полдень, а гном все не оставлял тщетных попыток проникнуть во дворец. Он знал, что замок является лишь тому, кому он нужен и кто его ищет. И так же, как является, может исчезнуть на долгие годы или даже навсегда.

Наконец Тибальд встал, закрыл глаза и произнес про себя: «Я хочу жить в Фэйри-Граде! Для этого мне нужна Фата-Моргана! Моя цель жизни – Фэйри-Град! Только Фэйри-Град! И ничего больше!»

Он открыл глаза – дворец четко выделялся на фоне неба! Недолго думая и не разглядывая его, Тибальд рванулся с места. Замок начал расплываться и превращаться в мираж. Напрягая силы, гном прыгнул и влетел в открытые двери дворца.

Тотчас же перед ним что-то засверкало, заискрилось, возникли гигантские тени, а потом все исчезло, и он повис в воздухе. Он не видел под собой земли и парил, хоть и без крыльев. Его окружали пустота и безмолвие. А можно ли увидеть пустоту? Не знаю, но Тибальд видел именно это самое «ничто». Здесь не было ни верха, ни низа, ни ветерка, а только пустота.

Тибальд попытался посмотреть на свою руку, но не увидел, попробовал коснуться руки, но не ничего не почувствовал. Вездесущее ничто царило во дворце Фаты-Морганы! Мир прекратил свое существование; все чувства Тибальда растворились в этом ничто, в полном отсутствии всего. Лишь горячее сознание несчастного гнома бурлило, кружилось, вспыхивало в полной темноте, ничего не сдвигая, не освещая и не согревая!

– Где я? – беззвучно звал гном. – Как отсюда выбраться? Почему я ослеп, оглох, где я, что со мной!

Тибальд забыл про Фэйри-Град теперь, когда у него отобрали все, и жаждал только одного: опять увидеть, услышать, осязать мир. Как мало, оказывается, ему надо для счастья!

Долго ли так продолжалось сказать трудно, а может, и невозможно, ведь время не властно в покоях Фаты-Морганы. Но неожиданно на фоне этого самого «ничто» стал вырисовываться силуэт девушки неземной красоты. Это было далеко и, как все во владениях Фаты-Морганы, то был лишь мираж.

Прозревший Тибальд, вне себя от счастья, тянулся к этому видению – мостику в живой, изменяющийся мир. А мираж манил куда-то, полупрозрачный, с трудом видимый, неосязаемый, волнующий и дразнящий.

На девушке было платье из цветочной пыльцы, ее голову украшал венок из капель росы, ее туфельки, казалось, были

сделаны из застывшего березового сока. А волосы! Она утопала в чудесных волосах цвета утренней зари. Ее лицо было лицом ангела, ангела совершенства. Она была так нежна и хрупка, что, казалось, любое движение воздуха способно рассеять или уничтожить ее.

Все слова на свете не в силах передать насколько великолепна и возвышена была эта девушка. Гном, начавший чувствовать, дышать, видеть, обонять, понял, что девушка – это та ниточка, которая связывает его с миром: хрупкая и волшебная ниточка надежды. Весь прекрасный мир: живой, нежный, веселый и грустный воплотился в этом мираже. Гном пытался прикоснуться к ней, увидеть ее, но тщетно. Он забыл обо всем, ведь этот мираж затмевал все то, к чему он стремился и чего он хотел. А девушка все манила и манила куда-то, то появляясь, то исчезая.

Внезапно ощущение пустоты сменилось полной темнотой, Тибальд понял, что чувства вернулись к нему. Гном очутился в длинном коридоре. Сначала его охватила безумная радость – ведь он опять стоял ногами на твердой земле, но вдруг Тибальд осознал, что мираж пропал. Ниточка, соединяющая его с реальным миром, лопнула, и гном в поисках этой нити побежал сам не зная куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.